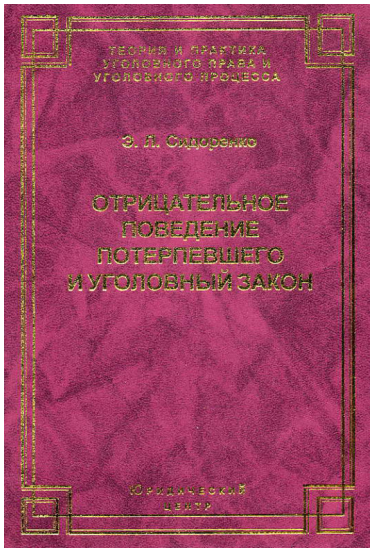
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
Э. Л. Сидоренко
ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ
ПОТЕРПЕВШЕГО
И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН
Юридический
центр

Элина Леонидовна Сидоренко

Отрицательное поведение потерпевшего и Уголовный закон

Серия «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279711
Отрицательное поведение потерпевшего и Уголовный закон: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-94201-171-0

Аннотация

Работа посвящена актуальным и сложным проблемам дифференциации уголовной ответственности и назначения справедливого наказания виновному в случаях, когда совершаемое им преступление носит ситуативный характер и обусловлено отрицательным поведением жертвы. В книге анализируется уголовно-правовые и криминологические аспекты личности и поведения потерпевшего, раскрывается механизм совершения виктимологически обусловленных преступлений. Основное внимание в работе уделено вопросам уголовной ответственности и наказания за преступления, вызванные аморальным или противоправным поведением жертвы.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, практических работников, а также всех тех, кто интересуется виктимологической проблематикой.

Содержание

Уважаемый читатель! 5
Предисловие 7
Глава 1. Потерпевший и преступник: уголовно-правовой, виктимологический и криминологический аспекты 9
1.1. Понятия «потерпевший» и «жертва» преступления: уголовно-правовой, процессуальный и виктимологический анализ 9
1. 2. Отрицательное поведение потерпевшего как элемент преступной ситуации 23
1.3. Личность потерпевшего с отрицательным поведением 32
1.4. Личность субъекта преступлений, вызванных отрицательным поведением потерпевшего 46
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Э. Л. Сидоренко
Отрицательное поведение потерпевшего и Уголовный закон

© Э. Л. Сидоренко, 2003
© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законотворчества и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат следующие вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина «Экономические преступления», В. И. Михайлова и А. В. Федорова «Таможенные преступления», Е. В. Топилъской «Организованная преступность», М. Н. Становского «Назначение наказания», В. Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве», Д. В. Ривмана и В. С. Устинова «Виктимология», В. М. Волженкиной «Нормы международного права в российском уголовном процессе», Р. Д. Шарапова «Физическое насилие в уголовном праве», М. Г. Миненка и ДМ. Миненка «Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы», С. Д. Шестаковой «Состязательность в уголовном процессе», И. Ю. Михалева «Криминальное банкротство», Г. В. Овчинниковой, М. Ю. Павлика, О. Н. Коршуновой «Захват заложника», А. Н. Попова «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах», О. В. Старкова, С. Ф. Милюкова «Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ», А. Л. Протопопова «Расследование сексуальных убийств»,

С. А. Алтухова «Преступления сотрудников милиции», В. Г. Павлова «Субъект преступления», Ю. Е. Пудовочкина «Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву», И. М. Тяжковой «Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности», В. М. Борисенко, К. И. Егорова, Г. Н. Исаева, А. В. Сапсая «Преступления против военной службы», А. А. Майорова, В. Б. Малинина «Наркотики: преступность и преступления», Г. В. Назаренко «Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния», Б. В. Волженкина «Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления)», 2-е изд., дополненное и расширенное, А. А. Струковой «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: уголовно-правовая характеристика», С. С. Тихоновой «Прижизненное и посмертное донорство в РФ: вопросы уголовно-правового регулирования», А. В. Мадъяровой «Разъяснения Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования», М. Л. Прохоровой «Наркотизм: уголовно-правовая характеристика», Л. А. Андреевой, П. Ю. Константинова «Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность», И. В. Александрова «Налоговые преступления», Л. С. Аистовой «Незаконное предпринимательство», и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия
Март 2003 г.

Предисловие

Преступность в России за последние годы приобрела угрожающие масштабы. При этом значительно возросло количество преступлений против личности. Этот процесс идет по нарастающей, и, к сожалению, нет объективных оснований для изменения ситуации к лучшему.

Качественные и количественные изменения в состоянии преступности отразились на характере и уровне виктимизации населения. Ежегодно последствия преступных посягательств ощущают на себе около 10 млн человек.

Однако государство остается равнодушным к проблеме потерпевших. Статистика жертв преступлений в отчетности правоохранительных органов отсутствует. Основные направления борьбы с преступностью фактически не связаны с задачей обеспечения личной безопасности граждан.

Между тем сложившаяся виктимологическая ситуация требует обратить особое внимание на проблему жертвы преступления. Значимость данной проблемы для научной и практической работы трудно переоценить.

Во-первых, признаки, характеризующие поведение потерпевшего, помогают установить наличие или отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления.

Во-вторых, они влияют на типовую степень общественной опасности преступного деяния и лица, его совершившего, и поэтому учитываются при дифференциации ответственности.

В-третьих, полный объективный учет данных о личности и поведении жертвы при индивидуализации наказания способствует назначению справедливого индивидуализированного наказания, а это позитивно влияет на общую и частную превенции.

Заслуживает повышенного внимания проблема отрицательного поведения потерпевшего в процессе дифференциации ответственности и индивидуализация наказания виновному. Как показывают проведенные исследования, в 66 % убийств и в 60 % случаев причинения тяжкого вреда здоровью жертва своим отрицательным поведением сама провоцировала преступление.

Провозглашенный в УК РФ 1996 г. принцип справедливости требует принятия мер, направленных на защиту интересов не только потерпевшего, но и преступника. Игнорирование «вины жертвы» приводит к ошибочной квалификации деяний в сторону ужесточения ответственности субъекта преступления. Он становится не только жертвой обстоятельств и своей «несдержанности», но и жертвой правоприменительной системы. А это негативно сказывается на уровне индивидуального и общественного правосознания.

На сегодняшний день созданы благоприятные условия для глубоких научных исследований уголовно-правовых и криминологических аспектов отрицательного поведения жертвы. Виктимология накопила большой эмпирический материал относительно природы аморального и противоправного поведения потерпевшего, а уголовно-правовая доктрина долгие годы занимается вопросами уголовной ответственности, ее дифференциации и индивидуализации.

Пришло время на основе значительной научной базы и в соответствии с практическими задачами выработать определенные рекомендации по учету данных о поведении потерпевшего и его влиянии на ответственность и наказание виновного. Особенно актуальной данная задача видится в свете реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ, тем более что в УК 1996 г. игнорируется даже уголовно-правовая природа потерпевшего.

Положения и выводы настоящего исследования могут оказаться полезными в законодательной и правоприменительной деятельности. Так, предложения, касающиеся уголовно-правового и процессуального понятия «потерпевший», а также вопросы уголовной ответственности за эксцесс обороны и аффектированные преступления могут быть восприняты законодателем при внесении изменений в УК и УПК РФ. Надеемся, полезными в правоприменительной деятельности окажутся рекомендации по дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания в случаях, когда имело место отрицательное поведение потерпевшего.

В данной работе рассмотрены лишь основные вопросы, связанные с криминологической и уголовно-правовой значимостью отрицательного поведения потерпевшего. К сожалению, многие проблемы рассмотрены лишь в общих чертах, поскольку требуют к себе особого внимания и самостоятельного научного исследования. Часть вопросов, опосредовано связанных с рассматриваемой темой, осталась за рамками настоящего исследования.

Положения и выводы работы отражают авторскую позицию. Они не бесспорны и поэтому могут вызвать дискуссии, в связи с чем будем признательны всем за конструктивную критику.

Глава 1. Потерпевший и преступник: уголовно-правовой, виктимологический и криминологический аспекты

1.1. Понятия «потерпевший» и «жертва» преступления: уголовно-правовой, процессуальный и виктимологический анализ

По данным уголовной статистики, ежегодно в России совершается свыше 30 тыс. убийств, 45 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 40 тыс. разбойных нападений, 120 тыс. грабежей, 10 тыс. изнасилований[1]. С ростом преступности стремительно увеличивается количество потерпевших. Только официально их регистрируется до 1, 5 млн человек в год[2]. Процесс виктимизации в России развивается стремительными темпами, и необходимость борьбы с данным явлением стала очевидной для всех. Между тем законодатель и правоприменитель к этому фактически не готовы. Свидетельство тому – масса вопросов, связанных не только с проблемой сокращения числа потерпевших, но и с самой терминологией.

В отечественной науке, наряду с «потерпевшим», употребляется также термин «жертва». При этом возникает вполне справедливый вопрос: какой из этих терминов предпочтительнее использовать и стоит ли вообще развивать их конкуренцию. Ответ на данный вопрос требует тщательного анализа понятий.

В доктрине уголовного права совершенно справедливо выделяют материальную и процессуальную природу потерпевшего[3]. Согласно ст. 42 УПК РФ, «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора, суда».

Анализируя уголовно-процессуальную норму, П. С. Дагель и другие ученые признавали понятие «потерпевший» общим для уголовного и уголовно-процессуального права, исходя из того, что «первое предложение дает именно материально-правовое понятие „потерпевший“, а второе предложение определяет, при каких условиях потерпевший становится участником уголовного процесса, приобретает процессуальные права и обязанности».

С данной позицией трудно согласиться. Статья 42 УПК призвана, на наш взгляд, определить только процессуальное понятие «потерпевший», и ключевым положением данной нормы является порядок признания за лицом данного процессуального статуса.

Материальная же природа потерпевшего должна быть закреплена в уголовном законе.

Несмотря на то, что личность и поведение потерпевшего учитываются законодателем при конструировании многих уголовно-правовых норм (ст. 61, 76, 107, 113 и др.), столь необходимое практике понятие отсутствует. Наблюдается абсурдная ситуация. УК безмолвствует, а УПК РФ указывает на некоторые материальные признаки потерпевшего, хотя по

---

[1] По материалам ГИЦ МВД России: htt:/www.mvdinform.ru/2001/gic/tabl1.htm

[2] *Лунеев В. В.* Преступность 20 века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 199, 203–204.

[3] *Фаргиев И. А.* Уголовно-правовое значение личности и поведения потерпевшего. Дис…канд. юрид. наук. М., 1997. С. 43.

логике вещей процессуальная фигура потерпевшего производна от его материально-правового статуса. Несмотря на очевидность данного положения, в науке оно нередко подвергается критике. Свою позицию авторы аргументируют тем, что «вопрос, причинен ли преступлением вред определенному лицу, суд решает при постановлении приговора. Утвердить ответ на этот вопрос и означает признание лица потерпевшим в материально-правовом смысле данного понятия. Таким образом, если признание потерпевшим в материальном смысле является некоторым этапом доказывания и имеет место, когда факт причинения вреда данному лицу доказан достоверно, признание потерпевшим в процессуальном смысле является одной из предпосылок участия данного лица в доказывании и имеет место при наличии оснований предполагать причинение преступлением вреда данному лицу»[4].

Однако сторонники данной позиции не учитывают того, что потерпевший как уголовно-правовая категория порождается реальной действительностью и представляет собой объективное следствие вредопричиняющего деяния виновного (а не результат доказывания в судебном процессе).

Появление потерпевшего в процессуальном качестве связано исключительно с производством определенных следственных действий. Именно поэтому УПК РФ должен решать лишь вопрос о необходимости участия объективно существующего потерпевшего в судопроизводстве в качестве субъекта уголовно-процессуальной деятельности, но не давать его определения.

Несоответствие природы появления потерпевшего в уголовном праве и процессе не могло не породить определенные трудности в правотворческой и правоприменительной деятельности. В. И. Каминская в связи с этим справедливо отметила: «Исходя из подчиненной роли уголовно-процессуального законодательства по отношению к уголовному, представляется, что логика законодательства не допускает такого положения, чтобы при употреблении в процессуальном законе уголовно-правового понятия ему придавалось иное значение по сравнению с уголовным законом либо же чтобы в процессуальном законе конструировались или просто употреблялись какие-либо уголовно-правовые понятия, отсутствующие в самом уголовном законе»[5].

Поддерживая позицию автора, мы считаем, что, во-первых, в диспозиции ст. 42 УПК РФ не должны содержаться уголовно-правовые признаки потерпевшего. Во-вторых, назрела острая необходимость в формулировании в УК РФ материального понятия «потерпевший». С нашими выводами согласилось свыше 90 % опрошенных практических работников.

Потерпевшим в уголовно-правовом праве должно быть признано физическое или юридическое лицо, которому непосредственно преступлением причиняется определенный вред.

Наше определение соответствует дефиниции, закрепленной в ст. 42 УПК, за тем исключением, что мы считаем необходимым указать на признак непосредственности и несколько изменить виды причиняемого вреда.

В русском языке *непосредственный* – «прямо следующий после чего-нибудь, без посредствующих звеньев, участников»[6]. Иными словами, потерпевшим признается непосредственно пострадавший от преступления, а не его родственник или законный представитель. Косвенным подтверждением нашей позиции может служить ст. 107 УК РФ, согласно которой уголовная ответственность предусматривается за убийство, совершенное в состоянии аффекта, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны

---

[4] Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. М., 1993. С. 55.

[5] *Каминская В. И.* Взаимоотношение уголовного и уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М., 1975. С. 99.

[6] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 402.

потерпевшего... В данном случае потерпевшим в материальном смысле будет являться убитый человек, что, на наш взгляд, вовсе недопустимо для процессуальной фигуры.

Однако в случае введения в уголовный закон понятия «потерпевший» придется столкнуться с новыми проблемами. Дело в том, что реализация нашего предложения на практике нарушила бы один из принципов толкования законов – применение в различных частях законодательства одного и того же термина в одном и том же значении. Действительно, разграничение понятий «потерпевший» в материальном и процессуальном значении явно недостаточное. Именно поэтому в науке предлагается определять лицо, понесших ущерб в результате совершения преступления, различными, сходными по смыслу терминами: в уголовно-правовом смысле термином «пострадавший», а в уголовно-процессуальном – «потерпевший».

Стоит заметить, что подобное разграничение уже воспринято правоприменителем. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 октября 1994 г. «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» (п. 9), сделана попытка развести материальные и процессуальные категории: «…гражданин, пострадавший от преступления, признан потерпевшим»[7].

Несомненно, данное предложение не лишено смысла и логики. Между тем мы предлагаем иной выход из ситуации. Во избежание возможных противоречий необходимо исключить из ст. 42 УПК РФ указание на материальные признаки потерпевших и сформулировать статью следующим образом: «Потерпевшим в уголовном процессе признается потерпевший от преступления, а в случае его смерти (физическое лицо) либо прекращения существования (юридическое лицо), его родственник либо правопреемник. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора и суда».

Такое решение проблемы позволило бы избежать многих трудностей. В частности, оно фактически бы разграничило материальную и процессуальную фигуры потерпевшего, наполнило бы их новым смыслом. В случае введения в УК РФ понятия «потерпевший» предлагаемая нами редакция процессуальной нормы позволила бы избежать тавтологии. Более того, она бы свела на нет все дискуссии о процессуальных правах родственников непосредственной жертвы преступления.

В теории уголовного и уголовно-процессуального права долгое время считалось, что лицо, понесшее вред или убыток вследствие нарушения прав другого лица, к потерпевшим причислено быть не может. Так, по мнению В. М. Савицкого и И. И. Потеружи, родственники погибшего должны участвовать в процессе в качестве представителя потерпевшего[8]. Как отмечают авторы, «близкие родственники жертвы не могут быть признаны потерпевшими не потому, что преступлением им не причинен вред, а потому, что вред этот, как правило, большой и непоправимый, причиняется им действиями преступника не прямо, а косвенно. И признание их потерпевшими противоречит общепринятому пониманию потерпевшего как лица, которому преступлением непосредственно причинен вред»[9]. Данная позиция представляется нам спорной ввиду того, что авторы отождествляют материальную и процессуальную сущности потерпевшего и на этой основе делают определенные выводы.

По мнению М. С. Строговича, близкие родственники погибшего являются и представителями потерпевшего и самими потерпевшими[10].

---

[7] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 3. С. 9.

[8] *Савицкий В. М., Потеружа И. И.* Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 14.

[9] *Савицкий В. М., Потеружа И. И.* Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 14.

[10] *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 1. С. 218.

В. П. Божьев полагает, что они вообще не должны допускаться к участию в процессе ни в качестве потерпевших, ни в качестве их представителей, «так как на это родственники никем не уполномочены»[11].

Другие авторы также отрицают возможность перехода прав потерпевшего к членам его семьи и в связи с этим утверждают, что последние могут принимать участие в деле только в качестве гражданских истцов[12].

Н. Я. Калашникова, напротив, признает близких родственников убитого потерпевшими[13].

Интересную позицию занимает В. Е. Квашис. По его мнению, в случае убийства претерпевание родственниками убитого последствий смерти есть прямое следствие преступления, и, следовательно, они являются непосредственно потерпевшими от преступления в уголовном праве. Потерпевшим же в уголовно-процессуальной деятельности он предлагает признавать одного из таких родственников, определяемого в согласительной форме между последними[14].

Разделяя позицию автора по последнему вопросу, мы не можем согласиться с утверждением, будто преперпевание определенного вреда родственниками убитого является прямым следствием преступления. Анализ причинных связей позволяет сделать вывод, что моральный, а в некоторых случаях материальный вред, причиняемый родственникам, является непосредственным следствием не убийства (умышленного причинения смерти другому человеку), а самого факта смерти (как преступного результата).

Другие ученые решение рассматриваемого вопроса ставят в зависимость от характера ущерба. Так, если потерпевший, у которого похищено имущество или которому причинен моральный ущерб, к началу процесса умер, то его родственники становятся правопреемниками и, следовательно, должны быть признаны потерпевшими. Но смерть потерпевшего не может быть основанием для признания его родственников потерпевшими от преступления[15].

Интересное решение проблемы предлагает В. Г. Ульянов. По его мнению, в Уголовно-процессуальный кодекс необходимо ввести понятие «правопреемник потерпевшего» и обозначать им всех тех лиц, которые не являются потерпевшими в уголовно-правовом смысле[16]. Остается неясным, каковы будут правомочия нового участника уголовного процесса и чем они будут отличаться от прав и обязанностей потерпевшего. Более того, неизвестно, как должны соотноситься между собой уголовно-процессуальное и гражданско-правовое понятия «правопреемник»: совпадают ли их значения, и если не совпадают, то в чем состоит различие.

Наша позиция по данной проблеме уже раскрывалась. Повторим лишь, что материальная и процессуальная категории потерпевшего близки, но не совпадают. Если под первую категорию подпадают лица, вред которым был причинен непосредственно преступлением, то вторая может включать в себя родственников либо представителей потерпевшего.

Несмотря на отсутствие в УК РФ должного материального определения, нельзя сказать, что проблема потерпевшего в уголовном праве игнорируется. Как справедливо отмечал И. С. Ной, «понятие «потерпевший» по существу своему принадлежит к материальному

---

[11] *Божьев В.* Процессуальное положение потерпевшего // Советская юстиция. 1959. № 9. С. 33.

[12] *Ратинов А.* Участие потерпевшего в предварительном следствии // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 32.

[13] *Калашникова Н. Я.* Расширение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 245.

[14] *Квашис В. Е.* Основы виктимологии. М., 1999. С. 142.

[15] *Устинов В. С.* Уголовная ответственность за заведомо ложные показания. Дис…канд. юрид. наук. М., 1972. С. 175.

[16] *Ульянов В. Г.* Реализация прав в российском уголовном процессе. Автореф. дис…канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 19–20.

праву, ибо вытекает из представления о вреде, причиненном кому-либо тем или иным преступлением»[17].

В доктрине уголовного права проблема потерпевшего рассматривается в двух направлениях: через определение его понятия, а также с позиции «вины потерпевшего». «Вина потерпевшего» будет рассмотрена в последующих параграфах. Сейчас же остановимся на определении понятия «потерпевший».

А. Н. Красиков понимает под ним «физическое лицо, в отношении интересов которого совершено оконченное или неоконченное преступное посягательство»[18]. На наш взгляд, автор необоснованно ограничивает круг возможных потерпевших лишь физическими лицами. Экономическое развитие страны вызвало необходимость уголовно-правовой и процессуальной защиты прав различных организаций. Признание юридического лица потерпевшим (пусть даже в УПК РФ) явилось позитивным и своевременным шагом законодателя. А тот факт, что организация по природе своей не может являться непосредственным потерпевшим от определенных преступлений (например, против личности), еще не дает основания для отказа ей в этом статусе.

По мнению П. С. Дагеля, «потерпевший – это лицо, которому причинен физический, имущественный (материальный) или моральный вред… Это лицо, которому вред причинен преступлением; если нет преступления, то нет и потерпевшего в уголовно-правовом смысле этого слова»[19]. На наш взгляд, автор совершенно справедливо делает акцент на том, что лишь преступление «порождает» уголовно-правовую категорию «потерпевший».

Несомненно, вред может быть причинен лицу не только преступлением, но и общественно опасным деянием малолетнего, невменяемого, он может быть причинен также при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (крайняя необходимость, необходимая оборона, обоснованный риск и т. д.). Но коль скоро мы рассматриваем уголовно-правовое понятие «потерпевший», мы должны ориентироваться на УК РФ, задачами которого является «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности… от *преступных посягательств,* обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение *преступлений».* Как мы видим, целям уголовного закона не отвечает защита человека от общественно опасного деяния, не являющегося преступлением. Именно поэтому определение потерпевшего в уголовном праве как «лица, которому причинен тот или иной вред общественно опасным деянием»[20], представляется нам ошибочным.

Г. И. Чечель и В. С. Минская полагают, что «основными базовыми элементами уголовно-правового понятия «потерпевший» являются: то, что потерпевший – субъект права, участник охраняемых законом общественных отношений; факт наличия вреда в виде фактического ущерба или реальной возможности его нанесения; запрещенность причинения вреда именно той правовой нормой, за нарушения запрета или веления которой виновный привлечен к уголовной ответственности»[21]. Как нам представляется, к данным признакам следует добавить еще один – наличие прямой причинной связи между деянием, причиняющим вред, и появлением пострадавшего (непосредственность).

Несмотря на серьезные различия в подходах, все авторы солидарны в том, что материальная фигура потерпевшего и наступивший вред тесно взаимосвязаны.

---

[17] *Ной И. С.* Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном процессе. Саратов, 1959. С. 112.

[18] *Красиков А. Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1978. С. 66.

[19] *Дагель П. С.* Указ. соч. С. 18–20.

[20] *Булгаков Д. Б.* Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика. Ставрополь, 2000. С. 13.

[21] *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологический фактор и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 8.

Под «вредом» обычно понимается «порча, ущерб»[22]; «последствия всякого повреждения, порчи, убытка, нарушение прав личности или собственности, законное и незаконное»[23]; «неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе»[24], «всякое умаление охраняемого законом материального и нематериального блага»[25]; «социально опасные изменения охраняемых законом общественных отношений, наступающие в результате преступных деяний»[26].

Смысловое значение данного понятия отражает также следующее определение: вред – это «не сами по себе изменения, производимые в результате преступного воздействия, а некоторого рода их оценка, отражающая значимость данных изменений для людей»[27]. Ни в УК РФ, ни в УПК РФ не дается определение понятия «вред». Однако в ст. 42 УПК перечисляются его конкретные виды: физический, имущественный и моральный.

Под физическим вредом в уголовном праве понимают совокупность объективно происшедших изменений в состоянии человека как физического существа или создание угрозы таких изменений – телесные повреждения, расстройство здоровья, физические страдания, боль. Действующее уголовное законодательство для определения физического вреда использует понятие «вред здоровью», оговаривая критерии его тяжести. Это понятие точнее отражает объективный характер изменений в состоянии человека как биологического существа. При этом последствия, на наш взгляд, могут выражаться не только в непосредственном вреде здоровью человека, но и в последствиях психического характера, опосредованно влияющих на здоровье.

В традиционном понимании имущественный вред, во-первых, всегда реален, поскольку вызывает неблагоприятные последствия в имущественной сфере лица; во-вторых, связан с нарушением правомочий собственника или иного владельца; в-третьих, выражается в денежной форме; в-четвертых, находится в непосредственной связи с преступлением; в-пятых, порождает уголовную и имущественную ответственность правонарушителя[28]. Имущественный вред понимается также как «причинение непосредственного ущерба лицу, совершенное путем уменьшения его наличного имущества, повреждения либо уничтожения такового»[29].

При подобном рассмотрении становится очевидным, что понятие «имущественный вред» не может охватить все возможные случаи. Требуется более широкое понятие. И таковым, на наш взгляд, является понятие *«материальный вред».* Оно позволяет признавать потерпевшим физическое или юридическое лицо независимо от того, причинен ли вред наличному имуществу, либо произошли иные изменения в его материальной сфере (например, упущенная выгода).

За замену термина «имущественный» на понятие «материальный» вред высказалось 64 % опрошенных представителей судебно-следственных органов.

Понятие морального вреда раскрыто в ст. 151 ГК РФ, где оно определяется как «физические или нравственные страдания». При этом употребление термина «страдание» предполагает, что действия причинителя вреда должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию, как правило, в форме ощущений или пред-

---

[22] Словарь русского языка. М., 1983. Т. 1. С. 226.

[23] Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1. С. 260.

[24] *Эрделевский А. М.* Моральный вред и компенсация за страдания. М., 1998. С. 1.

[25] *Власов А.* Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. 2000. № 2. С. 40.

[26] Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. М., 1993. С. 57.

[27] *Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С.53.

[28] *Квашис В. Е.* Указ. соч. С. 140.

[29] *Булгаков Д. Б.* Указ. соч. С. 14.

ставлений. Широкое толкование морального вреда дал Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»[30], где определил его как «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие человеку от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с потерей родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причинением увечья, иным причинением вреда здоровью либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и другое».

В. М. Савицкий и И. И. Потеружа моральный вред понимают более узко. Они указывают, что «его причинение означает такое нарушение субъективных прав гражданина, которое оскорбляет его честь, роняет достоинство в глазах других людей, дискредитирует его и в связи с этим причиняет нравственные страдания»[31]. Иными словами, авторы не признают физические страдания разновидностью морального вреда. Кроме того, они необоснованно сводят нравственные страдания к уголовно наказуемым оскорблению и клевете. Поддерживает эту позицию и Д. Б. Булгаков. В частности, он утверждает, что «моральный вред выражается в нарушении чести и достоинства граждан (например, нанесение оскорблений, распространение заведомо ложных сведений)»[32].

На наш взгляд, сужение значения морального вреда недопустимо и даже опасно для правоприменительной практики, поскольку может привести к существенному ущемлению прав пострадавших граждан. Мы совершенно согласны с мнением Л. Д. Кокорева, который утверждает, что «под моральным вредом понимается не только умаление чести и достоинства граждан, но и причинение иных страданий лицу, против интересов которого было совершено преступление»[33].

Дополняя данную позицию, В. Е. Юрченко предлагает включить в определение морального вреда указание на нарушение нормального психологического состояния человека, вызванного преступным посягательством на охраняемые законом субъективные права и законные интересы, а также иные блага[34].

Как нам представляется, споры вокруг содержания морального вреда в большинстве своем вызваны тем, что законодатель использовал не совсем удачный термин.

Дело в том, что под «моралью» в русском языке понимаются «нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность»[35]. Нравственность же – это «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы»[36]. Как видно, «мораль» применительно к личности есть не что иное, как «совокупность представлений об идеале, добре и зле, справедливости и несправедливости»[37]. Однако в большинстве случаев вред находит выражение не в моральных (этических) страданиях, а в

---

[30] Российская газета. 1995. 8 февр.

[31] *Савицкий В. М., Потеружа И. И.* Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 7.

[32] *Булгаков Д. Б.* Указ. соч. С. 14.

[33] *Кокорев Л. Д.* Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964. С. 7.

[34] *Юрченко В. Е.* Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. Томск, 1977. С. 11.

[35] Толковый словарь. С. 357.

[36] Толковый словарь. С. 414.

[37] *Эрделевский А. М.* Указ. соч. С. 3.

негативных психических реакциях потерпевшего. Раз в результате преступления (или покушения на него) нарушается психическое состояние потерпевшего, причиняемый вред правильнее было бы назвать «психическим».

Предлагаемый нами вариант уже давно применяется в зарубежном законодательстве. Так, право Великобритании и всех штатов США закрепляют понятие «психологический вред» (psychological damage), который определяется как «физические и психические страдания» (physical and mental sufferings)[38], причем под психическими страданиями англо-американская судебная практика понимает то, что отечественный законодатель называет «моральным вредом».

В науке, выделяя материальную и процессуальную фигуры потерпевшего, часто игнорируют виктимологическую характеристику последнего[39]. Те авторы, которые все же ее рассматривают, допускают серьезную ошибку при разграничении уголовно-правовой и виктимологической природы потерпевшего. Так, они неоправданно расширяют виктимологическую категорию за счет включения в число потерпевших всех пострадавших от проявления человеческой жизнедеятельности. Такой взгляд на проблему может привести и подчас приводит к разделению виктимологии на общую, «криминальную»[40], «деликтную»[41], «психиатрическую»[42] и др.

Еще в 1975 г. Б. Мендельсон в своем труде «Общая виктимология» настаивал на включении в орбиту науки о потерпевших не только от преступлений, но и от природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн. Как нам представляется, разделение науки на виктимологию в «узком» и «широком» смысле является искусственным и бесполезным. Мы солидарны с В. Е. Квашисом, который считает, что «такой подход размывает границы виктимологии, исторически сложившейся как науки о жертвах преступлений, привносит в разной мере условное, но вряд ли оправданное ее разделение»[43].

По нашему мнению, и в уголовном и в виктимологическом смысле мы имеем дело с потерпевшим от преступления. Однако разные науки наполняют это понятие различным содержанием.

Так, материальное право обращает внимание на причинение определенного вреда в результате преступления.

В виктимологии же содержание понятия «потерпевший» связано с его статусом (совокупностью прав и обязанностей), позицией (поведение в зависимости от отношений между потерпевшим и преступником, потерпевшим и другими лицами, включая «сопотерпевших») и, конечно, с его ролью в механизме совершения преступления. Как справедливо отметил Л. В. Франк, эта роль «может быть как активной, так и пассивной, осознанной и неосознанной, решающей и второстепенной; ограничиваться непосредственно ситуацией причинения вреда и быть важнейшим элементом формирования преступника в этом его качестве и др.»[44].

Потерпевший в виктимологии – это элемент преступной ситуации. Для признания лица потерпевшим не требуется, чтобы преступление было окончено, а вред причинен. Достаточно лишь, чтобы виктимность была реализована, а это, на наш взгляд, возможно уже на стадии покушения.

---

[38] *Reiss A.* Public perception and recollection about crime, law enforcement and criminal justice. Washington, DC. 1967. P. 91.

[39] *Власов А.* Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. 2000. № 2. С. 42.

[40] *Ривман Д. В.* Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. Л., 1973. С. 20.

[41] *Полубинский В. И.* Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. С. 19–20.

[42] *Центров Е. Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. С. 23–24.

[43] *Квашис В. Е.* Основы виктимологии. М, 1999. С.16.

[44] *Франк Л. В.* Указ. соч. С. 81–84.

Очевидно, что виктимологическое понятие «потерпевший» шире уголовно-правового, однако «жертва» – понятие еще более объемное и соотносится с последним как общее с частным.

В толковых словарях можно встретить следующие определения: «жертва – предмет или живое существо (*обычно убиваемое),* приносимое в дар божеству по обрядам некоторых религий; тот, кто пострадал или погиб от какого-либо несчастья, стихийного бедствия и т. п.; тот, кто подвергся страданиям, неприятностям вследствие чего-либо»[45]. В. Даль понимает под жертвой «пожираемое, уничтожаемое, гибнущее; приношение от усердия божеству»[46]. Этимология слова «жертва» (от лат. «victima»), а также появление его в европейских языках еще до конца не изучены. Специалисты предполагают, что в Европе это слово изначально «прижилось» во французском языке и означало предмет или живое существо, приносимое в жертву Богу. Со временем смысл понятия «жертва» значительно расширился, но закрепленное в толковых словарях русского языка В. И. Даля, Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова значение основывается на предыдущих лексических изысканиях.

Представляет интерес определение жертвы, данное в ст. 1 «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. Согласно этому документу, жертвами преступлений называются лица, которым был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав. В статье 2 данной декларации отмечается, что лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой.

В одном из вышеприведенных определений имеются слова «обычно убиваемое». Смысловая нагрузка этого словосочетания очевидна: фактический вред жертве (животному, предмету, в отдельных случаях человеку) не причинен. Он носит перспективный (потенциальный) характер. Но предмет дара уже конкретно определен (не стадо животных, а определенное животное). Избежание вреда, как правило, невозможно и причинение его зависит от объективных факторов и субъективных качеств того, кто наметил жертву и исполняет ритуал.

Проведем аналогию с лицом, в отношении которого совершено, замышляется либо возможно в перспективе совершение преступления. При этом термином «жертва» охватывается и отражается объективная сущность приведенных ситуаций.

Уголовное право имеет дело с реальной вредоносностью осуществляемой либо уже осуществленной деятельности. Вредоносная деятельность, возможная в перспективе, выходит за рамки предмета уголовного права и относится к предмету виктимологии, которую интересуют жертвы как уже осуществленной, так и потенциальной вредоносной деятельности, «не формально-логическое понятие жертвы, а ее истинная роль»[47].

К сожалению, за более чем полувековую историю своего существования виктимология так и не определилась со своим основным понятием – понятием «жертва преступления». Мало того, некоторые ученые вообще отрицают необходимость его введения. Так, Д. Б. Булгаков прямо заявляет, что «следует отказаться от существующего в криминологии понятия «жертва» и оперировать уголовно-правовым понятием «потерпевший»[48].

---

[45] *Франк Л. В.* Указ. соч. С. 479.

[46] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 535.

[47] *Ривман Д. В.* Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975.С. 8.

[48] *Булгаков Д. Б.* Указ. соч. С. 12.

По мнению Г. Кайзера, «использование понятия „жертва“ малопродуктивно с научной точки зрения, потому что преступность порой отличается весьма мимолетной жертвенностью»[49].

Зарубежные криминологи Р. Куинни и Л. Фаландыш настаивают на выработке такого понятия, которое имело бы связь с социальным конфликтом. По их мнению, жертва преступления – это социальная конструкция, созданная власть имущими с целью утешения тех, кто остался в невыгодном положении[50].

Существуют и другие точки зрения на данное понятие. Согласно одной из них, жертва преступления – это физическое лицо, человек, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред[51]. Данная позиция, на наш взгляд, низводит понятие «жертва» до уголовно-правового понятия «потерпевший». Более того, признание жертвами только физических лиц делает его еще более узким.

Так как основная задача западных виктимологов заключается в создании на уровне государственной политики программ юридической и социальной помощи жертвам преступлений, у них не возникает вопросов с определением последних. «Жертва преступления» трактуется в самом широком смысле и включает в себя не только физических и юридических лиц, но даже общество в целом, государство и международный порядок[52].

Так, С. Шейфер в своих работах указывает на «нематериальную, абстрактную жертву (общество, особенно его экономику, или государство)»[53]. Широкая трактовка данного термина позволяет в последующем детализировать объекты исследования, классифицировать их, а затем создавать типологический портрет жертв различных преступлений.

Выделение в качестве жертвы преступления абстрактной общности людей приводит, на наш взгляд, к смешению понятия «жертва» и предмета виктимологического изучения и мало что дает виктимологии.

Совершенно правы Д. В. Ривман и В. С. Устинов, утверждающие, что ««общность людей в любой форме их интеграции» как объект виктимологической профилактики просто нереальна, поскольку в этом случае в качестве жертвы можно рассматривать все что угодно, в том числе и общество в целом»[54].

Существует и другая позиция, согласно которой вред жертве причиняется преступлением как непосредственно, так и опосредованно; он может также не причиняться, но угроза его причинения должна иметь место[55].

Полагаем, что еще не скоро виктимология придет к четкому, логически обоснованному определению жертвы преступления, как и не скоро появятся действительно реальные основания для разграничения данного понятия и понятия «потерпевшего». Между тем хотелось бы внести в данный процесс свой вклад.

Понятия «жертва» и «потерпевший» очень близки друг другу, однако жертвой, на наш взгляд, может признаваться не только тот, чья виктимность реализована в преступлении, а каждый, кто ею обладает. Если виктимологическое понятие потерпевшего связывается с уже реализованной виктимностью, то в понятие «жертвы преступления» могут подпадать даже лица, индивидуальная виктимность которых не реализована.

---

[49] Цит. по: *Шнайдер Г. Й.* Криминология. М., 1994. С. 351.

[50] *Falandysz.* Viktimologie. Heidelberg, 1983. С. 142.

[51] *Ривман Д. В.* Указ. соч. С.16.

[52] *Шнайдер Г. Й.* Указ. соч. С. 49.

[53] *Schafer.* Victimology: The victim and his criminal. Reston. Virginia. 1977. P. 32.

[54] *Ривман Д. В., Устинов В. С.* Указ. соч. С. 39.

[55] *Захарьева И. А.* Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования. Дис… канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 42.

Но что представляет собой индивидуальная виктимность? К сожалению, данное понятие еще не получило в науке однозначного толкования.

В частности, Л. В. Франк рассматривал виктимность как способность становиться мишенью для преступных посягательств[56], как потенциальную и реализованную повышенную способность стать жертвой преступного посягательства при условии, что объективно этого можно было избежать[57]. Каждый человек, по мнению автора, может и способен быть жертвой преступления, но лишь тот, кто имеет к этому повышенную способность, виктимен.

На наш взгляд, в вышеприведенном определении понятие «виктимность» необоснованно сводится к его волевому (или поведенческому) аспекту, а именно к объективной возможности избежать преступного посягательства. В таком случае надо признать, что человек, находящийся в беспомощном положении и не имеющий возможности оказать сопротивление, невиктимен.

На волевой момент указывает также используемый автором термин «способность», трактуемый как «умение, а также возможность производить какие-либо действия»[58].

В. И. Полубинский определяет виктимность как «свойство данного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения вреда ему противоправными действиями»[59].

В. Я. Рыбальская также видит в виктимности «личную характеристику, означающую повышенную способность, известную предрасположенность человека стать жертвой преступного посягательства»[60].

Названные авторы, на наш взгляд, связывают виктимность исключительно с субъективными качествами индивида и игнорируют детерминационную роль жизненной ситуации, в которой личная предрасположенность реализуется. Как справедливо отметила В. С. Минская, «совокупность качеств, характеризующих жертву, способствует ее виктимизации лишь при взаимодействии с другой совокупностью личностных свойств, характеризующих преступника, причем при наличии определенных объективных обстоятельств»[61].

Игнорирование данных обстоятельств приводит некоторых авторов к признанию существования «прирожденных» жертв преступления. Так, немецкий ученый Ф. Экснер утверждает, что «во многих преступлениях жертва, черты ее характера, ее телосложение играют решающую роль в зарождении преступной ситуации»[62]. Развивает эту мысль Ганс фон Гентинг: «Жертва преступления во многих случаях вводит в искушение преступника. Если мы считаем, что есть прирожденные преступники, есть и прирожденные потерпевшие»[63]. Данную позицию нельзя признать верной, поскольку она сводит индивидуальную виктимность к некоей фатальности, неизбежности причинения вреда преступлением.

Д. В. Ривман и В. С. Устинов рассматривают индивидуальную виктимность как совокупность личностных и ситуационных компонентов. При этом под личностным компонентом они понимают «способность стать жертвой в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств», а под виктимологическими предрасположениями (ситуативными

---

[56] *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 114–115.

[57] *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 116.

[58] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 746.

[59] *Полубинский В. И.* Правовые основы учения о жертве преступления. С. 32–33.

[60] Цит. по: *Минская В. С.* Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспекты виктимологии // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 78.

[61] *Минская В. С.* Указ. соч. С. 80.

[62] Цит. по: *Холыст Б.* Криминология. Основные проблемы. М., 1980.

[63] *Henting H.* Causes and Conditions. New York; London. P. 55.

компонентами) – «социальные, психологические, биофизические качества, повышающие степень уязвимости индивида и проявляющиеся в большей мере активно»[64]. Индивидуальная виктимность, по их мнению, представляет собой обусловленное наличием преступности состояние уязвимости отдельного лица, выражающееся в объективно присущей человеку (но не фатальной) способности стать жертвой преступления. Реализованная преступным актом или оставшаяся в потенции, эта уязвимость зависит от субъективных и объективных предрасположений и в конечном счете выступает как неспособность противостоять преступнику, определяемая совокупностью факторов, делающих ее объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания» или неумения[65].

В приведенном определении имеется одно существенное противоречие: авторы особо подчеркивают, что способность стать жертвой преступления не является фатальной, а в последующем говорят о том, что виктимность – это объективная (не зависящая от жертвы) неспособность противостоять преступнику. Но если виктимологическая уязвимость не зависит от потерпевшего и при этом не является фатальной, то от чего (или кого) она в конечном итоге зависит? На этот вопрос ответ не дается.

Вместе с тем Д. В. Ривман и В. С. Устинов выделяют два уровня индивидуальной виктимности:

– виктимность как таковая, обусловленная субъективными качествами индивида;

– и повышенная индивидуальная виктимность, т. е. сочетание виктимности и благоприятных ситуативных факторов.

На наш взгляд, приведенное определение повышенной индивидуальной виктимности представляет собой не что иное, как начальный этап виктимизации, когда удачное сочетание ситуативных факторов и обусловленного субъективными качествами состояния уязвимости делают неизбежным совершение преступления.

Как нам представляется, под индивидуальной виктимностью следует понимать обусловленное определенными психофизиологическими, социальными и поведенческими особенностями состояние уязвимости, предрасположенности лица в конкретной жизненной ситуации оказаться в роли жертвы преступления.

При этом предрасположенность представляет собой лишь степень относительной способности, «заранее создавшуюся склонность, расположение, наличие условий» для того, чтобы стать жертвой преступления, но только лишь при наличии соответствующих ситуативных факторов объективного характера.

Сложно согласиться с мнением Д. В. Ривмана и В. С. Устинова, полагающих, что «в конечном счете виктимность – это явление социальное»[66]. Предрасположенность лица быть жертвой преступления в значительной мере определяется и психологическими факторами.

Не случайно в рамках психологии выделилось самостоятельное научное направление, рассматривающее виктимность как «психологическое свойство личности, возникающее вследствие дефекта интерактивного культурогенеза и характеризующееся предрасположенностью личности стать жертвой фрустраций социогенных и персоногенных воздействий, ведущих к деформации развития личности»[67].

Учеными-психологами было установлено, что виктимная личность в основном характеризуется следующими показателями:

1) снижением уровня мотивации;

2) заниженной самооценкой;

---

[64] *Ривман В. Д., Устинов В. С.* Виктимология. СПб., 2000. С. 44.

[65] *Ривман В. Д., Устинов В. С.* Виктимология. СПб., 2000. С. 46.

[66] *Ривман В. Д., Устинов В. С.* Виктимология. СПб., 2000. С. 45.

[67] *Клейберт Ю. А.* Психология девиантного поведения. М., 2001.

3) дефицитом ценностных ориентаций;

4) высоким конформизмом и пр.[68]

При этом виктимность как психологический феномен имеет следующие основные индикаторы:

– тревожность (чувство опасения, тревожного ожидания или неопределенного беспокойства);

– эмоциональная ригидность (жесткость, негибкость эмоционального реагирования на внутренние и внешние воздействия);

– эмоциональная вязкость (фиксация внимания на каких-либо значимых событиях или объектах);

– эмоциональное огрубление (утрата способности определять уместность тех или иных эмоционально окрашенных реакций и дозировать их);

– эмоциональная тупость («моральная идиотия», недоразвитие высших эмоций);

– утрата эмоционального резонанса (отсутствие эмоционального отклика на различные события) и пр.[69]

Несомненно, многие из указанных выше психологических особенностей присущи криминально виктимным лицам, однако это не дает оснований для отождествления криминальной виктимности, обусловленной психологическими, социальными и физиологическими особенностями личности, с психологической виктимностью как таковой.

Следует помнить, что виктимность – это сложный социопсихофизиологический феномен, нуждающийся в подробном изучении и требующий глубокого исследования на основе достижений юриспруденции, психологии и социологии.

Развитие наук требует точного и единообразного представления о применяемых терминах. Уголовное право, уголовный процесс и виктимология в этом смысле не являются исключением.

Именно поэтому мы предлагаем:

закрепить в УК следующее материальное определение потерпевшего:

1. Потерпевшим является физическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен физический, материальный либо психический вред.

2. Потерпевшим является юридическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен материальный вред либо вред его деловой репутации».

Изменить редакцию ст. 42 УПК РФ. Исключить из нее указание на материальные признаки потерпевшего и указать:

Потерпевшим в уголовном процессе признается потерпевший от преступления, а в случае его смерти (физическое лицо) либо прекращения существования (юридическое лицо), его родственник либо правопреемник. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора и суда».

Для терминологической упорядоченности разграничить материальное и виктимологическое понятия потерпевшего. Понимать под последним лицо с уже реализованной виктимностью, которому преступный вред причинен либо высока вероятность его причинения. Следует также отметить, что потерпевший в уголовном праве выступает объектом преступления, а в виктимологии – одним из элементов объективной стороны состава.

Понимать под жертвой преступления как реального, так и потенциального потерпевшего. При этом о реальном существовании потерпевшего свидетельствует его реализованная виктимность.

---

[68] *Руденский Е. В.* Психология отклоняющегося развития личности. Новосибирск, 1998. С. 99.

[69] *Клейберт Ю. А.* Указ. соч. С. 95.

Рассматривать индивидуальную виктимность как обусловленное определенными психофизиологическими, социальными и поведенческими особенностями состояние уязвимости, предрасположенности лица в конкретной жизненной ситуации оказаться в роли жертвы преступления.

1. 2. Отрицательное поведение потерпевшего как элемент преступной ситуации

Преступление, как сложное социальное явление, детерминируется множеством внешних причин и условий, выступающих в сложном взаимодействии. Но при этом преступление – это не воля случая и не слепой рок. Это поведенческий акт разумного человека, который способен осознавать события и явления окружающего мира.

В силу своей специфики преступное поведение, на наш взгляд, обусловливается следующими обстоятельствами:

– биологическими и психологическими особенностями личности;

– социальными, культурными, моральными и прочими взглядами лица;

– внешними обстоятельствами, под влиянием которых сформировались эти взгляды;

– конкретной жизненной ситуацией, которая, взаимодействуя с личностью преступника, вызывает преступные действия.

В рамках данной работы будут подробно проанализированы обстоятельства последней группы с целью определения их детерминационной нагрузки при совершении конкретного преступления, особенно если имело место отрицательное поведение потерпевшего.

Выделение жизненной ситуации из общей массы факторов, вызывающих совершение преступления, носит условный характер, так как преступное поведение лица – это всегда «неразрывный процесс взаимодействия изменчивых ситуативных факторов с относительно постоянными личностными характеристиками»[70].

Непосредственная ситуация совершения преступления может рассматриваться с различных сторон.

Так, в рамках общей профилактики интерес представляет ее объективное содержание, позволяющее выявить криминогенные факторы с целью их устранения.

При решении процессуальных вопросов ситуация совершения преступления может служить основанием для выдвижения различных следственных версий, установления способа совершения преступления и т. д.

Для решения уголовно-правовых вопросов необходимо знать объективное содержание и субъективное значение ситуации. Анализ объективного содержания помогает выяснить, какие возможности были представлены субъекту, какие факторы толкали его на совершение преступления, а какие препятствовали этому. Субъективное же значение ситуации – это определение ее роли в поведении лица.

В некоторых случаях эта роль весьма значительна. Порой скорость воздействия ситуации на привычные условия жизни субъекта преступления так велика, что лицо просто не успевает вовремя «включиться» и осмыслить свое отношение к тем или иным объектам, сориентироваться должным образом в ситуации и принять правильное решение[71]. Данное обстоятельство лишний раз убеждает в том, что роль ситуации в генезисе преступления нельзя игнорировать. Как справедливо отметил В. Н. Кудрявцев, «по значительному количеству преступлений их причину следует искать именно в конкретной жизненной ситуации»[72].

Ситуация – категория, интересующая не только юристов. Так, в структурной лингвистике ее определяют как «некоторое воспринимаемое событие в пространственно-временном континууме, которое может быть описано на некотором естественном языке»[73].

---

[70] *Хеккаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986. С. 13.

[71] *Голик Ю. В.* Случайный преступник. Томск, 1984. С. 101.

[72] *Кудрявцев В. Н.* Причины правонарушений. М., 1976. С. 95.

[73] *Лекомцев В. Н.* Структурная лингвистика. М., 1973. С. 446.

Юристы подходят к данному понятию иначе. Ю. М. Антонян, например, определяет ситуацию как «совокупность, сочетание обстоятельств и условий, создающих те или иные отношения, определяющие обстановку или положение»[74], а С. Б. Алимов – как «совокупность объективных обстоятельств, которые оказывают прямое влияние на возникновение, форму, степень тяжести и иные особенности конкретного проявления данного преступного акта[75].

В. С. Квашис полагает, что конкретная ситуация есть совокупность обстоятельств, влияющих на поведение субъекта[76].

По мнению же В. Н. Кудрявцева, это «определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на поведение в данный момент. В криминологическом смысле – это событие или состояние… которое приводит к преступному результату вследствие умысла или по неосторожности»[77].

Ситуация определяется и как комплекс объективных конкретных обстоятельств или более общих факторов, являющихся единым объектом индивидуальной оценки и оказывающих прямое и целостное влияние на возникновение, форму и динамику поведения[78].

Некоторые авторы, в числе которых А. Ф. Зелинский, отождествляют ситуацию с обстановкой совершения преступления[79].

Другие, напротив, искусственно разграничивают данные понятия, полагая, что ситуация «влияет на поведение субъекта в процессе проявления решимости к совершению преступления, а обстановка оказывает влияние на ход развития преступления до наступления преступного результата»[80].

По нашему мнению, рассмотрение ситуации как начального момента непосредственной обстановки совершения преступления не оправдано ни с позиции лексикологии, ни с позиции криминологии.

Ситуация, как и обстановка, – это совокупность объективных обстоятельств, ограниченных определенным периодом времени, но не обязательно периодом принятия решения.

Г. И. Чечель и В. С. Минская называют ситуацией «соотношение сил, которые могут выступать в качестве поводов, условий, а иногда и непосредственной причины преступления, т. е. могут повлиять на поведение человека в данный момент»[81].

По мнению С. В. Дьякова, ситуация – это обстоятельства, которые, воздействуя на сознание, волю и чувства личности, выступили в роли либо повода, либо условия, способствующего совершению преступления[82]. Последняя позиция представляется недостаточно полной.

На наш взгляд, ситуация может выступать не только поводом или условием преступного деяния. В отдельных случаях она является непосредственной причиной совершения преступления.

---

[74] *Антонян Ю. М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 6.

[75] *Алимов С. Б.* Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение. Автореф. дис… канд. юрид. наук. М., 1971. С. 22.

[76] *Квашис В. С.* Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. М., 1977. С. 34.

[77] *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии. М., 1966. С. 38.

[78] Механизм преступного проведения. М., 1981. С. 87.

[79] *Зелинский А. Ф.* Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. С. 55.

[80] *Фроля К. Н.* Назначение наказания с учетом причин совершенного преступления. Кишинев, 1980. С. 83.

[81] *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 31.

[82] *Дьяков С. В.* К вопросу о причинности в механизме преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 45. М., 1987. С. 22.

Несмотря на разнообразие научных взглядов, несомненно одно: конкретная преступная ситуация накладывает отпечаток на поведение субъекта, а, следовательно, влияет на его ответственность.

В рамках данной работы мы подробно остановимся только на тех преступных ситуаций, элементом которых является отрицательное поведение потерпевших.

Проблемой жертвы и ее поведения виктимология занимается уже более пятидесяти лет. Однако споры и разногласия сохраняют изначальную остроту.

Одни авторы поведение и личность жертвы относят к условиям, порождающим преступление (В. Кубривный), к обстоятельствам, способствующим совершению преступного деяния (Л. В. Франк), либо к причинам и условиям (чаще всего в виде повода) (П. С. Даль, Н. Ф. Кузнецова).

Высказывается также мнение, что ненадлежащее поведение потерпевшего относится к внешним обстоятельствам, влияющим на проявление антиобщественных взглядов и побуждений в преступном посягательстве (А. Б. Сахаров).

На наш взгляд, несколько категорично утверждение о том, что «обстановка, условия преступной ситуации всегда возникают в определенной связи с личностью и поведением потерпевшего, и само это поведение является непосредственной причиной совершения преступления»[83]. Если понимать под причиной ту движущую силу, которая вызвала наступление результата, определила его характер и основные черты, то вышеназванная позиция справедлива лишь в отношении строго определенных ситуаций. Но даже в этих случаях жертва и ее поведение являются далеко не единственными причинами преступления.

Имеется также позиция, согласно которой поведение потерпевшего способствует совершению преступления, иными словами, оно выступает как условие реализации антиобщественной установки и дефектов правосознания субъекта преступления. Как известно, условия сами по себе не могут непосредственно породить преступление, но, сопутствуя причинам и влияя на них, обеспечивают их развитие, необходимое для возникновения следствия. Авторы, рассматривающие поведение потерпевшего как условие совершения преступления, допускают ту же неточность, что и сторонники рассмотренной ранее позиции. Они однобоко и излишне категорично определяют роль потерпевшего.

Между тем изучение более 200 уголовных дел по убийствам и причинению тяжкого вреда здоровью показало, что поведение потерпевшего может выступать и непосредственной причиной, и условием совершения преступления. Причем в последнем случае личность преступника, как правило, характеризуется наличием асоциальных взглядов, привычек или навыков.

Не бесспорен подход к поведению потерпевшего как к поводу совершения преступления. В частности, остается неясным, что такое повод и какое место он занимает в причинно-следственном ряду.

Так, одни авторы относят его к причинам совершенного преступления[84]. Другие, напротив, считают, что повод не является и не может являться причиной, но при этом не указывают, чем же он в таком случае является[85]. Данную точку зрения по-своему поясняет Н. Ф. Кузнецова. Повод, по ее мнению, не порождает следствие, он лишь развивает его, ибо это следствие давно подготовлено соответствующими причинами и наличием благоприятствующих условий. «Такое следствие ждет для своего возникновения толчка, каким явля-

---

[83] *Франк Л. В.* Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. С. 10.

[84] *Савицкий В. М.* Презумпция невиновности. М., 1997. С. 43.

[85] *Никифоров А. С.* Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. С. 59.

ется повод»[86]. Иными словами, автор отождествляет толчковый характер ситуации и непосредственно сам повод.

Мы не согласны с данной позицией и считаем недопустимым приводить к общему знаменателю понятия, далеко не равнозначные по существу. Толчковый характер ситуации, на наш взгляд, есть ее объективная характеристика, в то время как повод представляет собой субъективное отражение ситуации. Причем для совершения преступления необходимо негативное восприятие ситуации субъектом.

Как нам представляется, поведение потерпевшего в механизме преступления играет важную роль. Однако для выявления его истинной природы необходимо в каждом конкретном случае установить следующее: в какой мере ситуация, повлиявшая на совершение преступления, сложилась за счет поведения потерпевшего;

была ли ситуация толчковой и насколько адекватно она воспринималась преступником;

каким образом поведение потерпевшего повлияло на формирование у преступника ситуативной установки;

какие специфические качества потерпевшего повлияли на его виктимность.

Несомненно, ситуация преступления, специфика отношений «преступник-жертва» в каждом конкретном случае уникальны. Вместе с тем все они обладают определенными чертами, позволяющими проводить их классификации.

Так, в виктимологии преступные и предпреступные ситуации в зависимости от форм поведения жертвы и их роли в механизме преступления разделяются на:

– специфические и опасные, в которых всегда есть повод для преступления;

– неспецифические, где преступник ищет удобный случай;

– промежуточные[87].

На наш взгляд, данная классификация имеет ряд существенных недостатков. В частности, неясно, чем же первый вид ситуации отличается от второго. Ведь повод чаще всего выступает тем самым «удобным случаем», который ищет преступник. Следуя логике авторов, можно сделать вывод, что признание ситуации специфической или неспецифической зависит лишь от того, ищет ли виновный повод либо последний уже найден. И, конечно, совершенно неясно, что же тогда понимается под промежуточными ситуациями.

Основанием предлагаемой нами классификации является детерминационная роль поведения потерпевшего в механизме преступления. Мы выделяем две большие группы преступных ситуаций:

1. нейтральные ситуации, когда лицо решается на совершение преступления только под влиянием внутренних побудителей;

2. толчковые ситуации, в той или иной мере влияющие как на зарождение преступных намерений, так и на реализацию их вовне. В зависимости от характера воздействия поведения потерпевшего на совершение преступления, необходимо выделить следующие подгруппы толчковых ситуаций:

«ситуация-причина», когда поведение потерпевшего является определяющим в поступках субъекта. Однако каково бы ни было «давление» ситуации, у лица всегда сохраняется возможность выбрать определенный вариант поведения;

«ситуация – условие», когда преступление вызвано определенными причинами, а поведение потерпевшего развивает эти причины, чем способствует совершению преступления.

Существенное влияние на характер криминогенной ситуации оказывает специфика поведения жертвы. Так, условно можно выделить три вида такого поведения:

---

[86] *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 47.

[87] *Ривман Д. В., Устинов В. С.* Виктимология. С. 134.

а) нейтральное – 20 % из изученных нами случаев;

б) положительное (или общественно полезное) – 17 %;

в) отрицательное поведение – 63 %.

Рассмотрим подробнее отрицательное поведение потерпевшего.

Поведение личности – это сложное и многогранное явление. Оно представляет собой процесс превращения внутреннего состояния человека в действие по отношению к внешнему миру. Как справедливо отметил С. Н. Абельцев, «поведение – это внешне наблюдаемая система действий (поступков) личности, в которой реализуются внутренние побуждения последней»[88]. Оно может выражаться в физических действиях либо быть вербальным.

Отрицательное поведение жертвы – это, прежде всего, оценочное понятие. В русском языке слово «отрицательный» понимается как «обладающий плохими чертами, качествами»[89], а «плохой» – как «лишенный положительных качеств, неудовлетворительный, не удовлетворяющий требованиям поведения, морали»[90].

В. С. Минская и Г. И. Чечель под отрицательным поведением потерпевшего понимают «поступки и поведение, причинно связанные с совершением преступления, объективно причиняющие вред обществу»[91]. Раскрывая данное понятие, авторы поясняют: отрицательное поведение жертвы – это не только поведение, содержащее в себе состав какого-либо правонарушения, но и действие (бездействие), совершенное без вины, а также действия лиц невменяемых и не достигших возраста, с которого возможна уголовная ответственность. К отрицательному поведению они относят также аморальные и безнравственные поступки, различие между которыми заключается в осознании или неосознании нравственного аспекта своих поступков, объективно не соответствующих общественному прогрессу[92].

Другие авторы, например С. Н. Абельцев, в рамках отрицательного поведения жертв выделяют отклоняющееся, аморальное, противоправное и преступное поведение[93], хотя все проявления отрицательного поведения можно, на наш взгляд, охарактеризовать только как противоправные или аморальные.

В общей теории права принято считать, что противоправность – это юридическое выражение общественной опасности[94]. Между тем данное понятие следует рассматривать с двух позиций:

– во-первых, как объектированную форму общественно вредного. Это значит, что общественно опасное деяние должно быть официально признано противоправным;

– во-вторых, как объективное свойство правонарушения. Объективное в том смысле, что всякое нарушение посягает на сущностное в праве.

Иными словами, противоправность есть родовое свойство всех отклоняющихся от правопорядка деяний. К числу последних относятся преступления; административные, дисциплинарные проступки; гражданско-правовые деликты; злоупотребление правом (употребление права во зло в тех случаях, когда лицо обладает субъективным правом, действует в его пределах, но наносит какой-либо ущерб интересам других лиц или обществу в целом); объективно противоправное поведение малолетних, душевнобольных; незначительные отклонения от требований юридического режима и иное поведение, противоречащее праву и способное повлечь применение мер юридической защиты или воспитательного характера и др.

---

[88] *Абельцев С. Н.* Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000. С. 38.

[89] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 470.

[90] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 514.

[91] *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологический фактор и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 28.

[92] *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологический фактор и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 28.

[93] *Абельцев С. Н.* Личность преступника и проблема криминального насилия. М., 2000. С. 38.

[94] Общая теория права / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1996. С. 305.

В русском языке под аморальным понимается «безнравственное, противоречащее морали»[95] поведение. При этом мораль (от лат. Mores – характер, нрав, проявляющийся в общении) – это «форма общественного сознания и его реализации на практике, утверждающая общественно необходимый тип поведения людей и служащая общесоциальной основой его регулирования»[96]. Требования морали фиксируются в общественном сознании в виде обычаев, традиций и общепринятых представлений. Нравственность же – это практическая воплощенность моральных идеалов, целей и установок в различных формах социальной жизнедеятельности, в культуре поведения людей и отношениях между ними[97]. Каждый человек должен смотреть на мир сквозь призму морального сознания, нравственной деятельности и нравственных отношений. Отклонение от одного из этих компонентов является отступлением от требований морали.

Перечисление всех нюансов противоправного или аморального поведения потерпевших может продолжаться до бесконечности, но при этом мало что привнесет в анализ его детерминационной роли, если не учитывать провокационного характера данного поведения.

В виктимологии под провокацией обычно понимают любое поведение жертвы, причинно связанное с деянием виновного. Ошибочность данной позиции объясняется тем, что ее сторонники не разграничивают понятия «толчок» и «провокация». Между тем всякая провокация есть толчок к преступлению, но не всякий толчок – провокация.

Более верным, на наш взгляд, является определение В. С. Минской и Г. И. Чечеля, согласно которому провокация – это «такое отрицательное поведение потерпевшего, при котором человек теряет самообладание и совершает неожиданный поступок с фатальным результатом»[98]. Однако нам сущность виктимологической провокации видится в аморальном либо противоправном поведении потерпевшего, которое негативно воспринимается субъектом и вызывает его ответную реакцию в форме преступления.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем все многообразие провоцирующего в поведении потерпевшего объединить в категорию «виктимологического негатива» (от анг. «negative» – отрицательный), который бы отражал криминологическую сущность рассматриваемого явления, его роль в механизме преступного поведения, а также способствовал выработке теоретической модели процесса дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности с учетом отрицательного поведения жертвы.

«Виктимологический негатив», на наш взгляд, должен включать в себя все многообразие аморальных и противоправных поступков жертвы, объективно способствующих зарождению преступного намерения у другого лица или провоцирующих его реализацию вовне. При этом для признания поведения потерпевшего отрицательным необходимо, чтобы оно воспринималось виновным как нежелательное и вызывало его ответную реакцию в форме преступления.

На практике виктимологический негатив встречается довольно часто. Так, по нашим данным, отрицательное поведение потерпевших имело место в 60 % убийств и 66 % случаев причинения вреда здоровью. При этом оно выражалось:

– в применении насилия – 27 %;
– в оскорблениях и угрозах – 20 %;
– в учинении ссоры – 18 %;
– в нарушении супружеской верности – 8 %;
– в необоснованных имущественных притязаниях потерпевшего – 9 %;

---

[95] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 20.

[96] Профессиональная этика / Под ред. Г. В. Дубова, А. В. Опалева. М., 2000. С. 22.

[97] Профессиональная этика / Под ред. Г. В. Дубова, А. В. Опалева. М., 2000. С. 23.

[98] *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологический фактор и механизм преступного поведения. С. 50.

– в иных формах – 18 %.

Но, несмотря на специфику каждого конкретного случая, провоцирующее поведение потерпевшего являлось толчком к совершению преступления, иными словами, предопределяло действия преступника.

Рассматривая отношения «преступник-жертва», Й. Шнайдер писал: «Уголовная юстиция характеризует одного участника деликта как преступника, а другого – как жертву, потерпевшую ущерб. Однако и до и в ходе деяния преступник и жертва остаются субъектами, находящимися друг с другом в символическом взаимодействии»[99].

По мнению Г. Гентига, жертва формирует, воспитывает преступника и завершает его становление; она молчаливо соглашается стать жертвой, кооперируется с преступником и провоцирует его. «В негласном взаимодействии преступника и жертвы имеет место интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности»[100]. Дополним лишь, что в преступлениях, совершенных под влиянием отрицательного поведения жертвы, это взаимодействие еще более усиливается.

На практике довольно часто встречаются случаи, когда невозможно отделить друг от друга личности преступника и потерпевшего. В механизме преступления их роли переплетаются настолько тесно, что только случайность решает, кто кем будет. Г. Гентиг назвал подобные ситуации «преступник-жертва»[101]. Эленбергер определял их через положение субъекта, который в зависимости от обстоятельств может стать или преступником или жертвой; последовательно преступником, а потом жертвой; одновременно преступником и жертвой[102].

По признакам остроты и напряженности можно условно выделить две разновидности конфликтов «преступник-жертва»:

1) с нестрогим соперничеством, когда периоды обострений отношений сменяются временными «перемириями»;

2) ситуации строгого соперничества, для которых характерна ярко выраженная тенденция стремительного нарастания интенсивности межличностных столкновений.

Как отмечает С. Абельцев, при острых семейных конфликтах в 60 % случаев еще за 10–15 минут до убийства или причинения тяжкого вреда здоровью неясно, кто окажется преступником, а кто жертвой. Как образно выразился автор, «люди «пожирают» друг друга»[103].

Н. Сафиуллин назвал данные ситуации «взаимодополняющим партнерством»[104]. А Л. В. Франк – «инверсией вины» (от латинского слова inwersio – переворачивание, перестановки). Однако, на наш взгляд, предпочтительно говорить о смене ролей, а не вины, поскольку каждый субъект виновен лишь в том, что совершил.

В данном случае имеют место толчковые «ситуации-условия» (согласно предложенной нами классификации). При проведении выборочного анализа 200 уголовных дел они встретились нам в 23 % случаев от общего числа убийств и причинения тяжкого вреда здоровью вследствие провоцирующего поведения потерпевших.

На практике также распространены случаи, когда мотивы поведения преступника противостоят мотивам поведения жертвы, в результате чего и выстраивается криминальная ситуация. Противостояние мотивов делает ее взрывоопасной. Ответ на вопрос, будет или не будет совершено преступление, зависит как от преступника, так и от потерпевшего.

---

[99] *Шнайдер Й. Г.* Криминология. М., 1994. С. 350.

[100] *Henting H.* Causes and Conditions. New York; London. P. 48.

[101] *Henting H.* Causes and Conditions. New York; London. P. 49.

[102] *Ellenberger.* Homogeneous victim – offender population: a review and some reseach implication // Journ. Criminal. 72 (1981). P. 779.

[103] *Абельцев С.* Семейные конфликты и преступления // Российская юстиция. № 5. 1999. С. 29.

[104] *Сафиуллин Н.* Преступник-жертва // Российская юстиция. 1996. № 6. С. 43.

Американский исследователь Д. Лакенбилл, изучавший конфликты, закончившиеся убийством, рисует следующую характерную последовательность событий: а) будущая жертва оскорбляет будущего преступника; б) тот расценивает эти действия как враждебные и отвечает вызовом или нападением; в) будущая жертва не подчиняется вызову и наносит ответный удар; г) преступник расправляется с жертвой[105]. В таких ситуациях обе стороны озабочены лишь сохранением собственного престижа. Как правило, одна из сторон конфликта вызывает обмен агрессией, совершая что-либо, воспринимаемое другим лицом как «оскорбление его достоинства, т. е. покушение на имидж, о котором человек заявлял в конкретном случае или в социальном контакте»[106]. Обиженный не отступает потому, что этот шаг может еще больше повредить его имидж. Он пытается спасти свою честь, всеми способами выражая гнев и презрение к противнику. Происходит эскалация конфликта; каждая сторона боится показать свою слабость и считает применение насилия единственно верной реакцией. Итог всему – совершение насильственного преступления.

В подобных ситуациях потерпевший, взаимодействуя с виновным, не только вносит свою лепту в преступление, но и нередко «перерабатывает» действия преступника в свое личное. Подобные «ситуации-условия» встретились нам в 32 % изученных уголовных дел.

Бывают также случаи, когда интенсивность воздействия провоцирующего поведения жертвы на преступника настолько высока, что приводит его к совершению преступления даже при отсутствии антиобщественной установки.

Н. С. Лейкина справедливо отмечает, что «если под социальной установкой понимать систему социальной ориентации, которую человек для себя принял… то, очевидно, что антиобщественной установки нет у лиц, совершивших преступление под влиянием случайного стечения обстоятельств, в состоянии аффекта, вызванного противоправным действием, при превышении пределов необходимой обороны и т. д.»[107].

В таких случаях, на наш взгляд, имеет место опосредованное проявление антиобщественной установки. Жертва (ее носитель) воздействует на преступника и выступает в качестве непосредственного «соавтора» преступления. Отрицательное поведение потерпевшего может быстро и интенсивно повлиять на обстановку совершения преступления. Тогда лицо «теряется», импульсивно принимает решение и реализует его, не разобравшись со всеми обстоятельствами дела (например, при превышении пределов необходимой обороны).

В других случаях виктимологический негатив влияет на человека в течение более или менее длительного периода времени, решимость совершить преступление накапливается постепенно (например, при убийстве и причинении вреда здоровью в состоянии аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией).

Высокая детерминационная нагрузка виктимологической провокации позволяет отнести эти случаи к «ситуациям-причинам». Последние встретились нам лишь в 12 % случаев от общего числа убийств и причинения тяжкого вреда здоровью, вызванных отрицательным поведением потерпевшего.

Во всех вышеназванных толчковых ситуациях проявляется так называемая «вина жертвы». Несмотря на важность данного явления, в науке оно понимается неоднозначно.

Изначально «вина потерпевшего» исследовалась в гражданском праве, и лишь в 60-е годы XX в. стала объектом пристального внимания криминалистов. Одними из первых затронули эту проблему В. Н. Кудрявцев и А. Б. Сахаров. В 1966 г. Л. В. Франк предпринял попытку рассмотреть вину потерпевшего как виктимологическую проблему. Эта работа была продолжена П. С. Дагелем, Н. Ф. Кузнецовой, В. С. Минской и другими.

---

[105] Юридическая конфликтология. М., 1995. С. 162–163.

[106] *Luckenbill D.* Criminal homicide as a situated transaction. Social problems. 176–186.

[107] *Лейкина Н. С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 8.

Говоря о «вине жертвы», необходимо помнить, что этот термин условен. Подчас забывается, что вина – не только юридическое понятие, но и социально-психологическая категория, специфический «продукт», возникающий в процессе отношений личности с социальной средой.

В уголовно-правовой доктрине служебная функция вины ограничена пределами самой науки. Данная категория применяется лишь для определения психического отношения субъекта к своему деянию и его последствиям.

В криминологии вина понимается несколько шире. А. К. Гиреев справедливо рассматривает ее как «совокупность социально-психологических свойств, приобретенных в процессе социального общения и характеризующих отрицательное отношение личности к интересам и ценностям общества»[108]. Как отмечает польский правовед Б. Холыст, о вине в виктимологии можно говорить в том случае, когда поведение жертвы преступления характеризовалось определенными элементами, способствовавшими возникновению преступного умысла и его осуществлению.

Н. Ф. Кузнецова понимает под «виной потерпевшего» как субъективную сторону деяния жертвы, так и ее аморальное либо противоправное поведение[109].

В. С. Минская, напротив, включает в данное понятие только объективную характеристику поведения потерпевшего. Она подчеркивает, что «психическое отношение потерпевшего к своему поведению не имеет значения для оценки его в качестве провоцирующего. Невиновное отрицательное поведение потерпевшего также должно смягчать ответственность субъекта преступления»[110].

На наш взгляд, «вину потерпевшего» следует рассматривать как объективную характеристику его противоправного и аморального поведения при условии, что оно явилось толчком к совершению преступления.

В настоящее время «вина жертвы» изучается как элемент объективной стороны, повод к совершению преступного деяния. Данная категория имеет большое значение не только для принятия мер профилактического характера, но и для дифференциации и индивидуализации ответственности субъекта, совершившего преступление под влиянием аморального и противоправного поведения жертвы.

Н. Ф. Кузнецова, в частности, предлагает ввести в уголовное законодательство понятие «смешанной вины»: «при наличии грубой вины потерпевшего, не исключающей вины субъекта преступления, квалификация действия и наказуемость последнего должна отражать фактическую степень вины и причиненного им ущерба»[111]. С данной позицией трудно согласиться.

Если под виной понимать исключительно субъективное отношение виновного и жертвы к своим действиям, речь должна идти не о «смешанной вине», а о наличии в действиях каждого участника преступного деяния самостоятельных правонарушений.

В тех случаях, когда «вина потерпевшего» была элементом преступной ситуации, допустима следующая, столь важная для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания конструкция: «Чем больше преступление было обусловлено „виной жертвы“, тем меньше свободы выбора было у преступника, тем меньше его вина, а следовательно, меньше должна быть мера ответственности и наказания».

---

[108] *Гиреев А. К.* Вина и криминальное поведение. М., 1991. С. 9.

[109] *Кузнецова Н. Ф.* Уголовное значение «вины потерпевшего» // Советская юстиция. 1967. № 17. С. 16.

[110] *Минская В. С.* Ответственность потерпевшего за поведение, способствовавшее совершению преступления // Советская юстиция. 1969. № 14. С. 15.

[111] *Кузнецова Н. Ф.* Указ. соч. С. 17.

1.3. Личность потерпевшего с отрицательным поведением

Изучение личности жертвы преступления важно как для науки, так и для практической деятельности. Объясняется это рядом обстоятельств:

1) события, произошедшие до самого преступления и напрямую связанные с мотивами и целями поведения преступника, подчас имеют непосредственное отношение к личности и поведению жертвы. Оставшись «незамеченными», они могут способствовать искажению картины преступления и повлечь ошибку в правовой оценке деяния;

2) виктимологические данные необходимы для определения эффективности тех или иных оперативных мер пресечения, применяемых к преступнику;

3) исследование и учет личностных и поведенческих характеристик жертв, поведение которых провоцировало совершение преступлений, необходимы для недопущения виктимологического рецидива.

Данный перечень не является исчерпывающим. И это обстоятельство лишний раз подтверждает, что назрела острая необходимость обращения государства к проблемам жертвы преступления.

Виктимология занимается данным вопросом чуть более пятидесяти лет. За это время сделано немало, но «запоздалость» отразилась на практике.

Как отмечает С. Н. Абельцев, «правоохранительные органы занимают в отношении жертвы весьма странную позицию – они клеймят ее. Нарушившего уголовный закон клеймят за преступление, а к жертве проникаются недоверием, сожалением или злорадством. При таком отношении к жертве она может подвергнуться вторичному посягательству. Преступники видят и понимают, что потерпевших никто не защищает»[112].

Действительно, на жертву преступления государство смотрит равнодушно. Не случайно на совещании в МВД России 14 апреля 1998 г. было заявлено, что следует усилить внимание к потерпевшим. Но если обратиться к официальной государственной отчетности министерства, то можно заметить, что в современной уголовной статистике почти забыты потерпевшие от преступлений. В этом вопросе практика существенно отстает от науки.

С. С. Остроумов был одним из первых, кто предложил создать виктимологическую статистику и отразить в ней количественную характеристику потерпевших[113]. Позднее Д. В. Ривман дополнил это положение, заявив, что «роль жертвы в возникновении, развитии ситуации преступления часто очень значительна, а следовательно, необходим анализ криминологически значимых ролей жертв и учет всех виктимологических обстоятельств как исходной базы для конкретных выводов частного (по отдельным делам) и обобщающего (тактико-методического) характера»[114].

В. С. Устинов пошел дальше и предложил выделить в виктимологических показателях «динамическую» и «статистическую» области. В первую он включил данные, характеризующие поведение потерпевшего в период, непосредственно предшествовавший преступлению, и в период самого события преступления (а также его посткриминальное поведение), а также связь этого поведения с поведением преступника (например, интенсивность нападения в связи с интенсивностью обороны, бегство от потерпевшего). «Статистическая» область, по мнению В. С. Устинова, должна содержать информацию о поле, возрасте, долж-

---

[112] *Абельцев С. Н.* Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000. С. 169.

[113] *Остроумов С. С.* Советская судебная статистика (часть общая и специальная). М.: МГУ, 1976. С. 12.

[114] *Ривман Д. В.* Использование виктимологических данных в предупреждении преступлений // Вопросы профилактики преступлений. Л., 1980. С. 48.

ностном положении, национальности и т. д., а также правовое положение (пропавший без вести, лицо, находящееся в розыске)[115]. Все эти данные автор предлагает объединить в рамках виктимологической статистики, под которой понимает «часть уголовно-правовой статистики, изучающей количественные характеристики личности потерпевшего и его поведения в целях профилактики, пресечения и раскрытия преступлений»[116]. Но это лишь планы на будущее.

На сегодняшний день личность потерпевшего изучается только на теоретическом уровне, но и здесь не обходится без проблем. Так, среди ученых нет единства мнений в вопросе элементов структуры личности.

Психологи все свойства человека делят на две основные подструктуры:

– психологическую, определяющую индивидуальность личности, и – социальную, определяемую социальными ролями и опытом деятельности в той или иной социальной среде.

Элементами психологической подструктуры являются черты личности, которые одновременно выступают и ее уровнями. При этом первый уровень – это тип нервной системы, возрастные, половые, препатологические и патологические свойства психики, темперамент; второй – индивидуальные свойства отдельных психических процессов, ставшие свойствами данной личности; третий уровень – социальный опыт, в который входят приобретенные знания, навыки, умения и привычки; четвертый – направленность личности, оцениваемая с позиции социально-психологического анализа[117].

Долгое время ученые-юристы изучали лишь преступника и выделяли в общей структуре личности так называемый криминологический уровень[118]. Однако для выделения самостоятельного уровня нет и не было объективных предпосылок, поскольку определенные особенности преступников вполне укладываются в целостную структуру личности. Выделение же дополнительного уровня как бы говорит о том, что преступник не как все, «недочеловек». То же самое относится и к личности жертвы.

На наш взгляд, изучение криминологической характеристики преступника и виктимологической характеристики потерпевшего необходимо, но раскрытие их сущности должно базироваться на структуре личности как таковой.

Н. Ф. Кузнецова и Г. М. Миньковский понимают под личностью «целостную систему»[119], включающую в себя три основных компонента:

1) социальный статус, определяющийся принадлежностью лица к определенному классу (социальному слою) и группе с социально-демографической характеристикой;

2) социальные функции (роли) личности;

3) нравственно-психологическую характеристику.

Заслуживает интерес выделение таких элементов[120], как:

– социально-демографические;

– образовательно-культурные;

– функционально-отношенческие;

---

[115] *Устинов В. С., Глухова А. А.* Понятие и значение виктимологической статистики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2000. № 5. С. 22.

[116] *Устинов В. С., Глухова А. А.* Понятие и значение виктимологической статистики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2000. № 5. С. 23.

[117] *Карсаевская Т. В.* Прогресс общества и проблема целостного биосоциального развития современного человека. М., 1979. С. 120–125.; Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. Л., 1979. С. 95–100; Человек. Личность. Индивид. М., 1995. С. 20.

[118] *Антонян Ю. М.* Изучение личности преступника. М., 1982. С. 41–43.; *Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В.* Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990. С. 14, 36.

[119] Криминология / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1994. С. 95.

[120] *Овчаренко Е.* Экологические преступления. Ставрополь, 1997. С. 77.

– нравственно-психологические;

– социально-ролевые;

– ценностно-мотивационные.

Другие авторы[121] в структуре личности выделяют:

1) социально-демографические признаки (социальное происхождение, семейное и должностное положение, национальная и профессиональная принадлежность, а также уровень материальной обеспеченности);

2) такие биофизиологические признаки, как пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конституции и т. д. (причем имеются в виду социальные проявления этих признаков);

3) уровень умственного развития (знания, умения и навыки);

4) психические процессы, свойства и состояния;

5) нравственные качества, ценностные ориентации и стремления личности, ее социальные позиции и интересы, потребности, наклонности, привычки.

Несмотря на кажущееся разнообразие, все предложенные выше схемы по своей сущности одинаковы и основываются на психологической структуре личности. Именно поэтому в разработке виктимологической характеристики может использоваться любая из них. Мы предлагаем выделить два основных блока признаков:

– социально-демографические;

– нравственно-психологические.

Хотя в оценке личности они выступают в неразрывном единстве, их значимость в раскрытии субъективных причин неодинакова. Рассмотрение указанных признаков в отдельности обусловлено не столько научными целями, сколько известной ограниченностью эмпирического материала и стремлением как-то отделить количественный анализ от качественного.

Личность, выступая в единстве всех ее социальных, нравственных и психологических свойств и признаков, формируется в процессе жизни и деятельности человека. И в случае, когда ее нравственные ценности, правовые представления, система потребностей и основных интересов входят в противоречие с соответствующими общественными интересами, представлениями и ценностями, обычно говорят об антиобщественной установке личности. Именно так, по мнению большинства ученых, формируется преступник. Но, как показывает практика, антиобщественная направленность порой характеризует не того, кто совершает, а того, против кого совершается преступление, т. е. жертву.

Особый научный интерес представляют те случаи, когда преступление детерминируется отрицательными качествами не преступника, а потерпевшего. Как показывает анализ уголовных дел по убийствам, причинению тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, негативное поведение потерпевших в допреступной ситуации встречается довольно часто (см. табл. 1).

Для того чтобы понять причины отрицательного поведения жертв, необходимо изучить их виктимологическую характеристику.

Начнем с **социально-демографических признаков.**

К ним относятся: пол, возраст, национальность, социальная принадлежность, образование, семейное положение и т. п. Статистическая обработка указанных данных раскрывает функциональную связь с фактом совершения преступления[122]. Хотя эта связь носит отдален-

---

[121] См., напр.: *Сахаров А. Б.* Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право. 1970. № 10.

[122] *Коган В. М.* Значение социально-демографических факторов для изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М.; *Филимонов В. Д.* Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 168; *Овчаренко Е.* Экологические преступления Ставрополь, 1997. С. 45.

ный, не генетический характер, она подлежит установлению, поскольку с нее начинается познание и вхождение в предмет исследования.

Таблица 1

Характеристика поведения потерпевших

	Убийство, %	Причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, %
Поведение потерпевших: **Нейтральное —** данные: 1) Д. В. Ривмана, В. С. Устинова.	23	25,9
2) Р. И. Михеева	29	44
3) Л. В. Франка	5	нет данных
4) наши	18	22
Положительное — соответственно: 1)	7	12,3
2)	29	8
3)	35	нет данных
4)	16	18
Негативное: 1)	70	61,8
2)	57	48
3)	60	нет данных
4)	66	60
Формы негативного поведения потерпевших (по нашим данным): Нападение на причинителя вреда	29	25
Оскорбления, скандалы, издевательства, унижения	21	19
Иные	26	16

Пол. Изучение уголовных дел по убийствам и причинению тяжкого вреда здоровью вследствие отрицательного поведения потерпевших показало, что потерпевшими чаще становятся мужчины (см. табл. 2).

Таблица 2

Пол	Данные			
	Г. И. Чечеля	Р. И. Михеева	Л. В. Франка	наши
мужск.	69	64	61	71
женск.	31	36	39	29

Данное обстоятельство объясняется тем, что мужчины ввиду меньшей занятости в быту чаще употребляют спиртные напитки, завязывают сомнительные знакомства. По подсчетам социологов, рабочая неделя женщины составляет 80 часов, а мужчин – 50. При этом

наблюдается явное нежелание мужчин участвовать в выполнении семейно-бытовых функций. В 41 % семей обязанности по ведению хозяйства и воспитанию детей лежат исключительно на женщинах[123].

Помимо социальных факторов, на мужскую виктимность влияют также обстоятельства психологического плана. В частности, мужчины чаще подвержены агрессивным реакциям на внешние раздражители.

Но почему же так высок процесс женщин в числе агрессивных потерпевших?

Как свидетельствуют проведенные нами исследования, женщины чаще всего становятся жертвами насильственных преступлений, совершаемых их мужьями или сожителями. Причем поводом к таким действиям является противоправное или аморальное поведение представительниц «слабого пола». В рассматриваемых случаях женщины, как правило, выступают в роли активной стороны конфликта и первые совершают противоправные действия в отношении своих мужей и сожителей.

Анализ причин агрессивного поведения женщин-потерпевших приводит к необходимости изучения ряда экономических и социальных факторов.

Как известно, на протяжении веков складывалось неравное распределение труда между мужчиной и женщиной. Последняя, как правило, вела хозяйство и находилась в зависимом положении от мужа-кормильца. Ныне наблюдается тенденция половой универсальности, ломки сфер, традиционно считавшихся чисто «мужскими» или «женскими». Вместе с тем процесс эмансипации женщин в нашей стране протекает неравномерно. Имеют место негативные диспропорции и противоречия, возникающие при рассогласовании производственных и семейно-бытовых ролей.

Более того, в условиях все расширяющейся и углубляющейся эмансипации женщин возрастают их требования к внутрисемейным отношениям. В психологии мужчин продолжают преобладать домостроевские взгляды, противоречащие изменившемуся положению женщин в обществе. Все это придает проблеме лидерства в семье особую остроту. Женщины, как правило, не удовлетворены своим положением, что с неизбежностью порождает внутрисемейные конфликты. Считая себя вправе контролировать поведение супруга или сожителя, женщина порой применяет к нему определенные санкции, нередко противоправные или аморальные по своему характеру. Однако с учетом «инверсии ролей» из нападающего она довольно часто превращается в жертву насильственного преступления. При этом решающую роль в ее виктимизации играют психофизиологические особенности (относительная физическая слабость, повышенная эмоциональность и др.).

На поведенческую виктимность женщин влияет и такой негативный аспект эмансипации, как маскулинизация представительниц «слабого» пола. В последние десятилетия наблюдается интересный социальный феномен: женщины усваивают несвойственные им и далеко не лучшие мужские стандарты поведения (грубость в общении, авторитаризм, курение, злоупотребление алкоголем и пр.). Маскулинизированные женщины нередко являются зачинщицами конфликтов и тем самым ставят себя в положение потенциальной жертвы.

Возраст. Данный показатель характеризует не только биологические свойства личности, но и ее социально-психологические черты. Как свидетельствуют многочисленные исследования, возрастной состав потерпевших выглядит следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

[123] *Можны И.* От комплементарности к универсализации (о социальных ролях мужчин и женщин) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 90.

Возраст	Данные			
	Г. И. Чечеля	Р. И. Михеева	В. С. Минской	наши
14–18 лет	2,3	6	14	9
19–25	22,8	34	12	31,5
26–40	59,6	32	44,8	38,5
свыше 40	42,3	28	29,2	21

Как видно, провоцирующими жертвами преступлений чаще всего становятся лица третьей возрастной группы. Данное обстоятельство можно объяснить большой социальной активностью людей в возрасте 26–40 лет, которая «удачно» сочетается с уже сформировавшимися личностными чертами и жизненной установкой потенциальных потерпевших.

Существует определенная взаимосвязь между возрастом потерпевшего и мотивацией его провокационного поведения.

Так, подросткам 14–16 лет присущи два вида мотивации противоправного поведения: корыстная (50 %) и насильственно-эгоистическая. Промежуточная (корыстно-насильственная) форма имеет место при доминировании мотивов самоутверждения. Конкретными причинами провоцирующего поведения представителей данной возрастной группы являются: желание развлечься, самоутвердиться в глазах сверстников, показать свою удаль, смелость и ловкость.

Мотивация поведения 16-17-летних подростков «взрослеет». Мотивами девиантного поведения этих лиц являются: корысть, хулиганские побуждения, добыча средств на спиртное и наркотики, месть, озлобление и мотив самоутверждения.

Мотивация молодежи в возрасте 18–24 лет определяется не конкретной ситуацией, а направленностью личности, ее нравственной установкой. При этом возрастает вес насильственно-эгоистических мотивов.

В зрелом возрасте удельный вес насильственно-эгоистической мотивации снижается и изменяется ее качественный состав. Хулиганские мотивы уступают место мотивам, связанным с озлобленностью, ревность и местью. В целом же преобладает мотивация корысти, выгоды и зависти[124].

Национальность. Какой-либо специфики совершения деяний, предусмотренных в ст. 105 ч. 1, 107, 108, 111–114 УК РФ в зависимости от принадлежности потерпевших к той или иной национальности в ходе проведенного исследования выявлено не было, что ставит под сомнение существование этнически обусловленной виктимности.

На протяжении десятков лет в США проводятся специальные социологические исследования, направленные на выявление расово и этнически обусловленной виктимности. Изучение убийств в Хьюстоне показало, что помимо афро-американцев, высокий уровень жертв наблюдается среди латиноамериканцев. Ученые объяснили частоту насильственных преступлений широко распространенными в общинах национальных меньшинств убеждениями и отношениями, благоприятствующими проявлению агрессии. В частности, Вольфганг утверждал, что «в этих группах существует субкультура насилия – ряд убеждений и норм, которые учат, как трактовать конкретные ситуации, и предписывают, как на них реагировать»[125]. Согласно данной теории, люди, выросшие в субкультуре насилия, обычно ведут себя вызывающе и провокационно, легко выходят из себя, могут быстро определять характер

[124] Приведены данные В. В. Лунеева. См.: Возрастные изменения в мотивации. Криминальная мотивация. М., 1986.

[125] *Wolfgang M.* Stues in homicide. New York, 1967. P. 145.

конфликтной ситуации и агрессивно реагировать на нее в целях сохранения своего достоинства в глазах окружающих.

Данную теорию можно было бы применить ко всем случаям этнически обусловленной виктимности и криминальности (в том числе, и в нашей стране), если бы она не была противоречива по своей сути.

Дело в том, что М. Вольфганг и его единомышленники, принимая во внимание ценностно-мотивационные установки представителей различных рас и этносов, обходят вниманием факторы, определяющие эти установки. Речь идет о социальном положении некоторых расовых и этнических групп.

Раса и национальность сами по себе не могут определять характер поведения их представителей. Люди различных этносов отличаются друг от друга темпераментом и психикой, но это различие не является основной детерминантой провокационного поведения.

Причины агрессивного поведения следует искать в низком социальном положении отдельных расовых и этнических групп, которые нередко подвергаются социальному остракизму и экономической дискриминации (например, афро-американцы и пуэрториканцы в США, китайцы и цыгане в России).

Всевозможные жизненные неудачи, обусловленные положением в обществе, вызывают у таких лиц эмоциональное напряжение и порождают импульсы ненависти и мщения. При этом накопившиеся чувства чаще всего «выплескиваются» в среде собственной этнической группы. Возникают острые конфликты, нередко завершающиеся совершением преступлений. Насилие в таких группах становится почти положительной ценностью, свидетельствующей о независимости, силе и власти над другими.

Образование. Важным показателем интеллектуального уровня потерпевших является их образование. Оно находится в определенной связи с характером совершаемых ими поступков. Виктимологические исследования вскрывают общую устойчивую тенденцию: уровень образования лиц, являющихся жертвами насильственных преступлений, обусловленных их поступками, ниже, чем у граждан того же возраста с социально одобряемым поведением. Этот факт лишний раз доказывают приведенные ниже данные (см. табл. 4).

Таблица 4

Образование	Данные			
	Г. И. Чечеля	Р. И. Михеева	Д. В. Ривмана	наши
Неполное среднее	56	47	26,9	73
Общее и среднее специальное	34	46	63,3	20
высшее	10	7	9,8	7

Для сравнения: если среди населения Российской Федерации доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование, превышает 40 %, то среди лиц рассматриваемой нами группы она составляет 27 %.

Семейное положение. К сожалению, авторы подчас игнорируют данные о семейном положении жертвы преступления. Между тем такая информация важна, поскольку семья

выступает фактором, стабилизирующим положение личности и укрепляющим ее социально-ролевые функции (см. табл. 5). Не случайно холостые потерпевшие чаще «вызывают» совершение насильственных преступлений.

Таблица 5

Холосты	63 %
Состоят в браке	37 %

Но не всякая семья оказывает позитивное влияние на личность. 24 % потерпевших воспитывались в неблагополучных семьях, где царила атмосфера конфликта, совершались противоправные и аморальные поступки. А насилие, увиденное или испытанное человеком в детстве, способствует проявлению его агрессивности в последующей жизни и подчас приводит к ситуации, когда вследствие своего провокационного поведения он становится жертвой преступления.

Более того, тяжелые чувства, вызываемые материальными проблемами (безработица, низкий уровень доходов и пр.), способны повысить вероятность того, что семейный конфликт приведет к вспышке агрессии, в особенности у людей, которые имеют к этому повышенную склонность или не обладают достаточным самоконтролем. В итоге, агрессивные действия одного члена семьи порождают агрессию другого; возникает виктимогенно-криминогенная ситуация, часто разрешающаяся совершением преступления.

Исследования, проведенные американскими учеными-психологами, показали, что женщины-жертвы семейно-бытовых преступлений чаще других:

1) были свидетельницами случаев применения насилия в семьях, в которых они росли (73 % случаев);

2) сами были жертвами насилия в детстве (69 %).

Семьи, в которых совершались насильственные преступления, вызываемые провоцирующим поведением потерпевшего, по сравнению с другими семьями:

1) чаще ссорились;

2) получали сравнительно низкие доходы и имели невысокий социально-экономический статус;

3) в таких семьях жены чаще имели более высокий образовательный уровень, чем их мужья[126].

Рассмотренные нами социально-демографические признаки изменчивы и дают в основном исходное, первоначальное представление о потерпевшем. Сами по себе они не раскрывают внутренней, нравственно-психологической структуры личности, а следовательно, генетической связи жертвы с характером ее поведения.

Нравственно-психологическая характеристика личности потерпевшего включает в себя широкий спектр внутренних позиций жертвы в различных сферах социального бытия, потребности, интересы, морально-нравственные принципы личности, развитость ее воли и чувств.

Исследования показали: у потерпевших, вызвавших преступление своим отрицательным поведением, в нравственно-психологическом облике доминировали следующие качества (см. табл. 6):

Таблица 6

[126] *Hotaling G., Sugarman D.* An analysis of risk markers in husband to wife violence. Washington, 1986. P. 101–124.

	Данные		
	Г. И. Чечеля	Д. В. Ривмана, В. С. Устинова	наши
Агрессивность	9,1	24,5	34
Деспотизм	3	4,3	7
Алкоголизм	19,4	37,6	32
Половая распущенность	3	7,8	4
Неразборчивость в знакомствах	20,3	31,9	10
Грубость	иные — 45,2	6,4	8
Неуживчивость		8,6	5

Рассмотрим некоторые из этих черт.

Агрессивность потерпевших проявляется многогранно. Исходя из выбранного субъектом способа поведения, психологи выделяют прямую и косвенную, вербальную и физическую агрессии, каждая из которых имеет определенную степень проявления. По данным П. А. Ковалева, косвенная вербальная агрессия выражается в два раза чаще, чем косвенная физическая; кроме того, у мужчин больше всего выражена прямая физическая агрессия, а у женщин – косвенная вербальная[127].

В зависимости от характера агрессии мы, подобно Д. Ривману и В. Устинову[128], выделяем среди агрессоров:

1) агрессивных насильников;

2) агрессивных провокаторов.

Первой группе потерпевших свойственно наличие насильственной асоциальной установки. Поведение таких жертв, как правило, общественно опасно и противоправно.

Деяния агрессивных провокаторов менее опасны, так как они не связаны с физическим насилием. Их поведение большей частью провоцирующее, но не преступное.

Данные группы, в свою очередь, делятся на подгруппы.

Так, следует различать агрессивного насильника общего плана (4 %), который реализует свои негативные качества в ситуациях, где причинителем вреда может быть лицо, с которым его ничего не связывало, и избирательно агрессивного насильника (12,2 %), для которого субъект преступления близкий или знакомый человек.

Агрессивный провокатор также может быть общего плана (3,8 %) и избирательный (11,6 %).

Как видно, наиболее распространенным среди потерпевших является избирательный тип агрессора. Это подтверждается собранными нами данными. Так, среди всех жертв лишь 12 % не были знакомы с субъектом преступления, 19 % являлись их супругами, 18 % – сожителями, 22 % – родственниками и 39 % – знакомыми.

Но этой градацией агрессивных потерпевших виктимология не ограничивается. Д. В. Ривман и В. С. Устинов предлагают с учетом мотивации виктимного поведения разделить всех жертв на: корыстных, сексуальных, хулиганов, негативных мстителей, скандалистов, семейных деспотов и психически больных.

---

[127] *Ковалев П. А.* Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения: Автореф. дис… канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 16.

[128] *Ривман Д. В., Устинов В.* С. Виктимология. С. 91.

И. А. Кудрявцев и Н. А. Ратинова, изучая природу агрессивно-насильственного поведения, выделили типы агрессии: смысловую, функционально-утилитарную, привычно-неконтролируемую, ситуативно-оборонительную, обусловленную неадекватной актуализацией профессиональных стереотипов, а также аффектированной целью[129].

В зависимости от характера агрессии предлагаем выделить среди потерпевших, характеризующихся отрицательным поведением, следующие типы:

1) Привычно-неконтролируемый агрессор (80 %). Его характеризуют слабая способность к самоконтролю, некоторая личностная примитивность, склонность остро воспринимать крайне широкий спектр внешних воздействий. Поведение таких лиц строится под влиянием ситуативно возникающих импульсов и побуждений, является скорее аффективно обусловленным, нежели рациональным. Выбор средств и способов действия сужается и стереотипизируется.

2) Ситуативно-оборонительный (10 %). Потерпевший обладает достаточными ресурсами для разрешения большинства проблемных ситуаций. «Резкий сбой» системы саморегуляции происходит только в экстремальных, стрессовых ситуациях, при которых угроза значимым для него ценностям возникает неожиданно и носит выраженный характер.

3) Лицо, агрессия которого обусловлена аффективной целью (8 %). Такому субъекту свойственна просоциальная личностная направленность, ориентация на соблюдение общепринятых норм и правил, но при этом его характеризует низкая эмоциональная устойчивость и невысокий уровень самоконтроля.

4) Катастрофический агрессор (2 %). Его отличает отчетливо выраженная просоциальная направленность, позитивная установка, стремление соблюдать традиционные правила и нормы, а также высокий уровень самоконтроля и наименьшая агрессивность.

В зависимости от направленности агрессии жертв-провокаторов можно условно разделить на:

«враждебных» агрессоров (75 %), целью которых является причинение страданий. Главное для таких потерпевших – причинить максимальное зло или ущерб тем, на кого они нападают;

«инструментальных» агрессоров (25 %), для которых причинение вреда другим не является самоцелью. Скорее, они используют агрессивные действия в качестве инструмента для осуществления различных желаний.

Наиболее близко к «враждебным агрессорам» примыкают потерпевшие-деспоты (7 %). Их поведение, как правило, заключается в агрессивных и неожиданных выходках, избиениях близких людей либо просто в плохом отношении к ним.

Грубостью и неуживчивостью отличалось до 13 % потерпевших в то время, как половая распущенность была свойственна 4 % жертв.

Как показало наше исследование, частое употребление алкоголя становилось нравственно-психологической чертой потерпевшего, что приводило к нарушению его нормальных социальных связей. Ухудшались отношения в семье, на работе. Круг интересов суживался, утрачивались профессиональные навыки, падала трудоспособность, не говоря уже о том, что увеличивалась возможность агрессивных выходок с его стороны. Исследования показывают: при совершении преступлений 57,1 % потерпевших находились в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения, при этом 30,6 % из них распивали спиртные напитки с субъектом преступления.

В целом же всех жертв рассматриваемой нами категории объединяло одно – своим отрицательным поведением они провоцировали преступление, способствовали перерастанию конфликтной ситуации в преступление.

---

[129] *Кудрявцев И. А., Ратинова Н. А.* Криминальная агрессия. М.: МГУ, 2000. С. 113–131.

По мнению психологов, в процессе любого общения «скрыта искра» конфликта, но чтобы «из искры возгорелось пламя», нужны провоцирующие условия, в качестве которых могут выступать определенные черты субъекта: обидчивость, вспыльчивость, заносчивость, «ершистость», подозрительность, нетерпимость к возражениям, неуступчивость. Они создают у субъекта предрасположенность к возникновению состояния конфликта. При этом наибольший вклад в агрессивное поведение вносят вспыльчивость, обидчивость и мстительность[130].

По мнению Л. И. Белозеровой, у жертв, вызывающих своим поведением преступление, преобладают такие черты, как обидчивость (74 %), упрямство (68 %), вспыльчивость (34 %), драчливость (33 %)[131].

А. А. Реан дополняет этот перечень такой особенностью личности, как «демонстративность»[132]. Демонстративная личность постоянно стремится произвести впечатление на других, привлечь к себе внимание. Свои устремления она проявляет в тщеславном поведении. Именно тщеславие порождает в жертвах преступления обидчивость и заносчивость, роль которых в возникновении агрессивного поведения очень существенна.

Многие авторы полагают, что агрессивность потерпевшего определяется его социальным статусом[133]. Так, чаще всего провоцируют преступление лидеры или «отверженные». В первом случае агрессия вызывается желанием защитить или укрепить свое лидерство, а во втором – неудовлетворенностью своим положением.

Как показывают собранные нами данные, преступления чаще всего провоцируются эгоцентричными и агрессивными потерпевшими, которые становятся жертвами себе подобных в «наркотико-алкогольно-сексуальных» преступлениях.

Как отмечает Е. В. Садков, «повышается интенсивность виктимизации так называемого маргинального слоя общества, порой трудно бывает увидеть разницу между преступником и потерпевшим, если они оба из маргинальной среды; у них почти одинаковые личностные деформации и стереотипы поведения»[134]. В данной среде 80 % лиц становятся жертвами преступлений, в совершении которых определяющую роль играет их провокационное поведение. Такие люди, как правило, живут по принципу: жить хочу и буду жить именно так, чтобы меня замечали. По мнению С. Н. Абельцева, потерпевших из маргинальной среды характеризуют «эгоистические привычки, потеря чувства ответственности, равнодушие к проблемам других людей, цинизм. Им присущи ослабленные чувства стыда, долга, совести, а также несдержанность и конфликтность, грубость, лживость, ханжество, необразованность, невоспитанность»[135].

Потерпевших, поведение которых носило провокационный характер, объединяет многое, но прежде всего, наличие асоциальной установки.

Психологическая установка относится к числу наиболее изучаемых, но при этом наименее изученных проблем в области социологии и психологии. Явления установки начали изучать еще в XIX веке, когда было установлено, что каждому индивиду в силу присущих

---

[130] *Ковалев П. А.* Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения. Автореф. дис…канд. психол. наук. СПб., 1996. С. 21.

[131] *Белозерова Л. И.* Работа с трудными детьми. Киров, 1992. С. 16.

[132] *Реан А. А.* Агрессия и агрессивность личности. СПб.,1996. С. 56.

[133] *Шляхтина О. И.* Взаимосвязь агрессивности с личностными особенностями и социальным статусом. СПб., 1997. С. 9.

[134] *Садков Е. В.* Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи. Автореф. дис…канд. юрид. наук. М., 1994. С. 8.

[135] *Абельцев С. Н.* Личность преступника и проблема криминального насилия. М., 2000. С. 44.

ему установок (или диспозиций[136]) свойственна готовность к определенным поведенческим актам, действиям, поступкам, а также к их последовательности.

В психологии проблематику установки личности рассматривают сквозь призму личностных отношений (В. Н. Мясищев), направленности (Л. И. Божович), проявления целостности психических свойств и процессов (Д. Н. Узнадзе).

В частности, Д. Н. Узнадзе видит в ней «готовность организма, субъекта к определенной деятельности в соответствии с конкретными условиями, потребностью и ситуацией ее удовлетворения»[137]. Автор справедливо замечает, что «поведение, как бы и где бы оно ни возникало, определяется воздействием окружающей действительности не непосредственно, а прежде всего опосредованно – через целостное отражение этой последней в субъекте деятельности, т. е. через его установку»[138]. Подтверждение этому тезису мы встречаем в философских исследованиях, где отмечается, что «установка является не отдельным психическим феноменом, а целостным личностным состоянием, возникающим на основе отражения действительности. В свою очередь, она оказывает дальнейшее влияние на процессы предстоящего отражения. Установка создает у субъекта дифференцированное отношение, избирательную готовность к предстоящим внешним воздействиям и влияет на протекание и направленность последующих актов осознанного отражения и поведения[139].

Рассматривая диспозиционное (установочное) поведение как определенное социальное поведение, психологи предлагают выделять четыре уровня установок:

– первый уровень составляют элементарные фиксированные диспозиции, посредством которых регулируются непосредственные реакции субъекта на ситуацию;

– установки второго уровня формируются на основе потребности человека в общении. Этот уровень регулирует поступки личности в типичных для него ситуациях.

– Третий уровень имеет дело с такими диспозициями, в которых фиксируется общая направленность интересов личности в конкретной сфере общественной жизни. На этом уровне регулируются уже некоторые системы поступков и социальное поведение.

– И, наконец, высший (четвертый) уровень образует система ценностных ориентаций личности. Этот уровень регулирует целостность социального поведения и деятельности личности[140].

Применительно к личности потерпевшего и его провоцирующему поведению особого внимания заслуживает высший уровень установок – ценностная ориентация личности.

В уголовно-правовой литературе именно преступник традиционно рассматривается как лицо, имеющее ярко выраженную антисоциальную направленность (или установку). В частности, А. Н. Костенко утверждает, что «преступник отличается от нравственно здорового человека модусом личности: преступник имеет индивидуалистический модус личности, а нравственно здоровый человек – коллективистский… Все преступники, без какого-либо исключения, потому и преступники, что они имеют индивидуалистическую установку. Иначе и быть не может. Ведь само криминальное поведение – это проявление индивидуализма»[141].

С этой позицией трудно согласиться по нескольким причинам. Во-первых, не следует придавать негативную окраску стремлению человека к выражению своей индивидуально-

---

[136] *Асмолов А. Г.* Психология личности. М., 1990. С. 45.

[137] *Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб., 2001. С. 60.

[138] *Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб., 2001. С. 158.

[139] Современные проблемы теории познания диалектического материализма / Под ред. М. Б. Митина и др. М., 1970. Т. 2. С. 315.

[140] *Клейберг Ю. А.* Психология девиантного поведения. М., 2001. С. 36.

[141] *Костенко А. Н.* Принцип отражения в криминологии (психологический механизм криминального поведения). Киев, 1986. С. 34.

сти и критиковать его обращение к собственным нуждам. В этом нет ничего, заслуживающего осуждения. Любой человек соотносит свои поступки прежде всего с собственными потребностями и интересами, а уж затем – с интересами отдельных социальных групп или общества в целом.

Во-вторых, проводимое автором противопоставление преступника нравственно здоровому человеку звучит излишне категорично и не находит подтверждения в реальной жизни. Разве можно считать нравственно испорченным человеком того, кто защищает себя или третьих лиц от общественно опасного посягательства и под влиянием ситуации превышает пределы необходимой обороны? Думается, что нет.

В изучаемых нами ситуациях виновный действует в экстремальных условиях, к которым он не подготовлен. Проявляемое им преступное насилие является результатом острого межличностного конфликта, вызываемого отрицательным поведением будущей жертвы.

При этом негативное поведение потерпевшего не является ситуативно обусловленным. В его основе лежит низкий уровень правосознания, агрессивность и неуважение к людям. Эти и другие негативные качества формируют психологическую установку провоцирующих жертв и во многом предопределяют их судьбу.

Удачно описал данный тип личности американский психолог Т. Миллон: «Оба варианта этой личности – основной агрессивный и открыто антисоциальный – побуждают враждебность не только благодаря случайным последствиям своего поведения и отношения, но и потому, что они намеренно провоцируют других на конфликт. Они ищут повода для ссоры, часто сами лезут в драку, и, по-видимому, им нравится драться, доказывать свою силу, проверять свои умения и силы. Они намеренно могут стремиться к опасности и трудным ситуациям. Они ведут себя дерзко и безрассудно, но кажутся при этом уравновешенными»[142].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что у потерпевших, вызывающих своим отрицательным поведением совершение преступления, имеется асоциальная установка. Она выражается в разной форме, имеет неодинаковое содержание и различную интенсивность проявления, но у всех она является определенной «жизненной программой».

В науке нет единой позиции относительно того, что же конкретно формирует психологическую позицию индивида, побуждает его систематическому социально не одобряемому поведению. На наш взгляд, этому способствуют следующие факторы:

1) недостаточное умственное развитие;

2) примитивность и неустойчивость духовных потребностей;

3) и, конечно, неправильное воспитание, приводящее к формированию асоциальной личностной установки.

Иначе подходит к данному вопросу Ф. Пакати. Он выделяет природные и социокультурные причины.

К первым автор относит психопатические явления, связанные с психофизиологическими нарушениями в организации поведения. А к социокультурным причинам – своеобразные наследуемые и передаваемые по традиции образцы и модели решения конфликта, которые в случае их интериоризации личностью могут вызвать в ней склонность к определенному виду девиантного поведения; это и подражание эталонам поведения, имеющимся в определенных слоях общества, в семье, соприкоснувшейся с криминальностью, и т. д.[143]

Все эти факторы, несомненно, влияют на формирование личности жертвы и предопределяют ее жизненное поведение. Станет ли такое лицо потерпевшим или преступником,

---

[142] *Million T.* Disorders of personality. New York, 1981. P. 212–213.

[143] *Пакати Ф.* Некоторые проблемы девиантного (отклоняющегося) поведения // Психологический журнал. 1987. № 5. С. 12.

будет зависеть от многих обстоятельств, в том числе и от личностных особенностей противника.

1.4. Личность субъекта преступлений, вызванных отрицательным поведением потерпевшего

Важнейшим детерминационным фактором рассматриваемых нами преступлений является отрицательное поведение потерпевшего. Именно оно во многом предопределяет преступное деяние. Однако решающая роль принадлежит причинителю вреда, его личным качествам и поведению.

Некоторые авторы, в числе которых Г. В. Антонов-Романовский и А. А. Лютов, отмечают определенные методологические недостатки в виктимологических и криминологических исследованиях. Прежде всего, они указывают на искусственный разрыв между оценкой поведения преступника и потерпевшего. «Этот разрыв, – отмечают авторы, – приводит к гиперболизации роли жертвы в механизме возникновения преступления и принижению значения поведения преступника»[144]. С данным замечанием трудно не согласиться.

Долгое время в науке преобладали крайние позиции. Криминологи изучали личность преступника как «вещь в себе», а виктимологи, напротив, игнорировали причинителя вреда, концентрируя внимание на поведении и установках жертвы преступления. Реалии сегодняшнего дня требуют комплексного рассмотрения этих вопросов. Та же задача ставится и перед настоящей работой.

Проведенные исследования свидетельствуют, что преступник и провоцирующая его жертва в момент совершения насильственного преступления находятся, как правило, в конфликтной ситуации. Взаимодействие между ними «детерминируется возможностями выбора каждым из участников конфликта определенного варианта поведения»[145]. При этом происхождение и структурирование конфликта определяется личностными особенностями и преступника, и жертвы преступления.

Рассмотрев виктимологическую характеристику последнего, необходимо дать криминологический анализ личности лица, совершившего преступление вследствие отрицательного поведения потерпевшего.

Так, возрастной состав преступников немногим отличается от возраста потерпевших. И в том и в другом случае наиболее активные группы – 19–25 и 26–40 лет. Совершение преступлений в молодом возрасте (14–25 лет) объясняется небольшим социальным опытом, большой возбудимостью и импульсивностью субъекта. Именно поэтому преступники данной группы составляют самую значительную часть – 33,8 %. Следует отметить также определенное затухание агрессивности после 30 лет: если до этого возраста доля преступников больше, чем доля потерпевших соответствующего возраста, то начиная с 31 года картина полностью меняется.

Процент женщин среди осужденных невелик и составляет около 14 %. Значительно бóльшая доля мужчин объясняется как биологическими, так и социальными характеристиками (бóльшая склонность к употреблению спиртных напитков, времяпрепровождению в малознакомых компаниях и т. д.).

Результаты последних психологических исследований свидетельствуют, что мужчины и женщины имеют различные установки относительно преступной агрессии. Мужчины, как правило, в меньшей степени испытывают чувства вины и тревоги. Женщины же обеспокоены тем, что агрессия может обернуться против них самих. При этом они рассматривают применяемое насилие как средство выражения гнева и снятия стресса, в то время как муж-

---

[144] *Антонов-Романовский Г. В., Лютов А. А.* Виктимность и нравственность // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1974. С. 40.

[145] *Антонян Ю. М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 13.

чины относятся к агрессии как к «инструменту, считая ее моделью поведения, к которому прибегают для получения определенного результата»[146].

Разница в образовательном уровне преступников и потерпевших незначительна. Однако среди осужденных за убийство и причинение вреда здоровью вследствие отрицательного поведения жертвы процент лиц со средним образованием намного выше, чем среди потерпевших той же группы. В целом же наблюдается ситуация, когда преступник образованнее жертвы.

Доля рецидивистов в изучаемом контингенте лиц незначительна и составляет 21 %. Данное обстоятельство, на наш взгляд, объясняется тем, что причинение вреда потерпевшему вследствие его отрицательного поведения носит во многом «случайный» характер и не обусловливается антиобщественной установкой личности преступника.

Как показали исследования В. Минской и Г. Чечеля[147], подавляющее число спровоцированных преступлений совершалось лицами, находящимися в состоянии душевного волнения (71,8 %) – от незначительного до аффекта. При этом в 59,2 % случаев совершения преступлений в состоянии аффекта его возникновению предшествовала длительная психотравмирующая ситуация: в 21,4 % случаев преступник был взвинчен происшедшей накануне ссорой, в 24,3 % случаев – взволнован обстоятельствами, связанными с неправильными действиями потерпевшего. По нашим данным, 39 % от общей доли всех убийств совершались в состоянии душевного волнения, вызванного отрицательным поведением жертвы. При этом 11 % – в состоянии аффекта и 28 % – в других эмоциональных состояниях.

Среди обстоятельств, способствующих совершению аффектированных преступлений, особое значение имели неприязненные отношения с потерпевшим (46,6 %).

Что касается алкогольного опьянения, то, как показали исследования, оно встречалось в 70–80 % убийств и в 65–70 % случаев причинения вреда здоровью.

Очевидно, что употребление алкоголя увеличивает вероятность проявления агрессии. Но в науке по-прежнему остается нерешенным вопрос о том, каков характер этого воздействия.

Традиционно считалось, что алкоголь является биохимическим стимулятором агрессии; он притупляет механизмы торможения, ослабляя деятельность определенных центров мозга. В результате у выпившего человека возникает предрасположенность к социально неодобряемому поведению.

Однако результаты последних исследований не позволяют делать столь однозначных выводов. Например, было обнаружено, что незначительные дозы (15 г водки на 16 кг веса) сдерживают агрессию, в то время как большие дозы (50 г на 16 кг веса) способствуют ее проявлению[148].

Но не всегда даже самые значительные дозы алкоголя будут способствовать проявлению преступного насилия. Подобное воздействие чаще всего возможно в ситуациях, когда виновного каким-либо образом провоцируют или подстрекают. Иными словами, алкоголь не является непосредственной причиной агрессивного поведения виновных. Он лишь усугубляет ситуативные детерминанты агрессии. Алкоголь влияет на мысли и поведение людей, но лишь в той степени, в какой он ослабляет ментальные процессы. По данным зарубежных ученых-психологов, «алкогольная интоксикация имеет два важных эффекта:

– Употребление алкоголя ограничивает диапазон информативных сигналов. Человек думает о наиболее очевидных и главных аспектах ситуации.

---

[146] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., 2001. С. 221.

[147] *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологический фактор и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 89.

[148] *Bushman & Copper.* Effects of alcohol on humanaggresion // Psychological Bulletin, 107. P. 341–354.

– Алкоголь уменьшает способность обрабатывать и извлекать смысловое содержание из получаемой информации»[149].

В преступных ситуациях, вызываемых отрицательным поведением потерпевшего, заключено множество вербальных и невербальных сигналов. И виновный, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, столкнувшись с множеством информационных сигналов, акцентирует внимание лишь на самых очевидных аспектах преступной ситуации, а именно на противоправных и аморальных поступках жертвы.

Учитывая, что основным побудительным мотивом человека является самозащита, неудивительно, что люди сосредоточивают внимание на возможной угрозе, которую содержит в себе ситуация. В итоге, наличие угрозы со стороны жертвы-провокатора является именно тем сигналом, на который виновный, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, реагирует в первую очередь и на который отвечает насилием.

Рассматривая нравственно-психологическую характеристику преступников, необходимо отметить, что среди них достаточно высок процент вспыльчивых, несдержанных лиц (28 %). Склонность к алкоголизму свойственна 23 %, деспотизмом и неуживчивостью отличались 4 %.

В целом среди совершивших преступления вследствие отрицательного поведения потерпевших основную массу составляют лица, у которых не выработались необходимые в общественной жизни нравственные нормы, не развилась привычка культурного человека владеть собой, своими эмоциями и страстями.

Такие люди особую нетерпимость проявляют ко всему, что мешает им лично. Но при этом данная категория преступников характеризуется отсутствием устойчивых антиобщественных взглядов, навыков и привычек. Совершение преступления является для них «случайным» неприятным эпизодом, не оставляющим в нравственном сознании следа в смысле накопления опыта антиобщественной деятельности.

Таким лицам не свойственна антиобщественная установка, но при этом для них характерно отсутствие устойчивых нравственных принципов. Преступник данного типа принимает решение совершить преступление не по убеждению в его правильности, а в результате того, что «не обладает достаточной выдержкой, чтобы продолжить тщательное обдумывание решения в условиях, затрудняющих выбор и создающих эмоциональное напряжение»[150].

Формирование его мотивов проходит следующие этапы.

Вербальная или физическая агрессия жертвы вызывает у будущего преступника определенные отрицательные состояния – досаду, обиду, негодование, злость, ярость, с появлением которых и начинает зарождаться мотив.

Потребность устранить психическое напряжение приводит к формированию абстрактной цели: что надо сделать, чтобы удовлетворить возникшее желание наказать обидчика, унизить его, навредить, найти способ сохранить чувство собственного достоинства. Во многом выбор этой цели будет определяться воспитанностью человека и его опытом.

Вторая стадия формирования мотива связана с поиском конкретного пути и средства достижения намеченной абстрактной цели. Здесь могут сыграть роль такие качества субъекта, как драчливость и скандальность.

Пропустив все способы через «внутренний фильтр», субъект приходит к третьей стадии – он принимает решение. На этом процесс формирования мотива завершается.

Как отмечает Е. П. Ильин, «у субъекта появляется основание агрессивного поведения, которое объясняет, почему он пришел к пониманию необходимости такого поведения, что он хочет достичь, каким способом и, может быть, – ради кого. Это основание в ряде слу-

---

[149] *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. М., 2001. С. 471.

[150] Криминология. М., 1976. С. 365.

чаев может выполнять и роль „индульгенции“, оправдывающей и разрешающей совершение внешне неблаговидного поступка»[151].

Мотив совершения преступления не всегда формируется так сложно, мотивационный процесс может быть свернутым, особенно за счет второй стадии.

Некоторые люди привыкли в определенных конфликтных ситуациях реагировать присущим им стереотипным способом: драться, ругаться. У них может не возникать особых сомнений, как реагировать на внешнюю агрессию. Поведение таких людей определяется их агрессивной мотивационной установкой, которая определяется в психологии как «латентное состояние готовности к удовлетворению потребности; как задание для себя или намерение, которое будет осуществлено при появлении нужной ситуации, повода»[152].

Как показали наши исследования, мотивы спровоцированных преступлений носят в большинстве случаев личный характер. Так, по мотивам мести было совершено 59,5 % преступлений, 11,2 % – с целью избавиться от потерпевшего или проучить его; 22,5 % – из желания защитить общественно полезный интерес.

При этом для различных возрастных групп характерна различная мотивация. Если местью руководствовалось 45 % лиц возрастной группы от 25 до 40 лет, то лицам в возрасте от 18 до 25 лет она была вовсе не свойственна.

Содержание мотивов свидетельствует о том, что в большинстве случаев конфликтная ситуация, предшествующая преступлению, была относительно длительной. Допреступные взаимоотношения потерпевшего и преступника аккумулировали отрицательные эмоции последнего, на основании которых постепенно формировался мотив преступления.

В зависимости от характера агрессии среди рассматриваемой категории преступников, как ранее среди потерпевших, можно выделить следующие типы:

1) привычно-неконтролируемый агрессор (32 %);

2) ситуативно-оборонительный (37 %). Субъект на высоте эмоционального состояния не успевает соотнести свои поступки с морально-этическими и социальными нормами. В силу чего совершение преступления воспринимается им как субъективно оправданное;

3) преступник, агрессия которого обусловлена аффективной целью (20 %). Преступлению, как правило, предшествуют длительные конфликтные отношения субъекта и жертвы. При этом инициатива в обострении конфликта обычно принадлежит потерпевшему;

4) катастрофический агрессор (11 %). Преступления таким лицом совершаются в экстремальных условиях, являющихся витально опасными. Инициатором конфликта выступает потерпевший. При этом его действия содержат прямую провокацию агрессии, выступают источником реальной угрозы. Преступник долго сохраняет самоконтроль, выдерживает большие эмоциональные нагрузки, «держится до последнего», но последующий «срыв» носит очень глубокий и разрушительный характер. В последующем у субъекта нередко отмечается отчужденность собственных действий.

В зависимости от направленности агрессии среди преступников можно выделить:

1) «враждебных» агрессоров (12 %);

2) «инструментальных» агрессоров (88 %).

Первую группу в основном составляют избирательные агрессоры, которые совершают преступления в отношении своих близких или знакомых. При этом само преступное действие является результатом взрыва эмоций вследствие ссоры или межличностного конфликта. В таких ситуациях жертва играет активную роль, ускоряя обмен агрессивными действиями. При этом насильственные действия виновного являются импульсивными по своему характеру; они совершаются без какого-либо серьезного обдумывания и планирова-

---

[151] *Ильин Е. П.* Мотивы и мотивация. СПб., 2000. С. 242.

[152] *Ильин Е. П.* Мотивы и мотивация. СПб., 2000. С. 146.

ния. Это относительно безрассудные реакции, приводимые в движение высоким уровнем напряжения. Подобные реакции характерны для совершения преступлений против личности вследствие ссоры, а также в состоянии аффекта, вызванного отрицательным поведением потерпевшего. Каковы бы ни были у виновного первоначальные цели, в процессе совершения преступления он получает удовлетворение, причиняя страдание своей жертве, тем самым утверждая свою власть над ней.

Психологи доказали, что люди, подвергшиеся фрустрации, могут испытывать удовольствие, зная, что причиняют страдания своим обидчикам. «Когда они получали такую информацию после того, как начинали атаковать, это побуждало их причинять своим прежним мучителям еще большие страдания… Разгневанные люди успокаиваются и могут вовсе перестать атаковать в случаях, если думают, что уже причинили своим обидчикам достаточно большой вред»[153]. При этом после окончания посягательства, придя в нормальное эмоциональное состояние, виновные не всегда признаются в том, что стремились причинить страдание своим жертвам.

Виновных – «враждебных» агрессоров отличают ярко выраженная агрессивность, высокая эмоциональная реактивность, чувствительность к любому пренебрежению или оскорблениям. Они всюду видят угрозу и порой неадекватно реагируют на различные ситуации.

Как правило, к числу «инструментальных» агрессоров относятся преступники «общего плана». Вероятность лишения жизни или причинения вреда здоровью человека, которого видят впервые в жизни, наиболее высока в ситуациях, когда сама жертва совершает общественно опасное посягательство, и виновный причиняет ему вред, защищаясь или защищая интересы третьих лиц.

В данном случае причинение ущерба потерпевшему является не основной целью, а средством, инструментом для отражения посягательства. Применение силы представляется такому типу преступника последним и единственно верным способом защиты от действий потенциальной жертвы. Но, находясь на пике эмоционального возбуждения, виновный не может в полной мере рассчитать свои силы и причиняет явно несоразмерный характеру и степени общественной опасности посягательства вред.

«Инструментальные» агрессоры относятся к числу преступников со сверхконтролированной агрессией. Они производят впечатление очень спокойных и безобидных людей. Но при определенных провоцирующих обстоятельствах такие люди могут выплеснуть всю накопившуюся агрессию в одном, чаще всего преступном действии[154]. В жизни такие лица склонны к тягостным размышлениям о своей беззащитности и о тех несправедливостях, от которых, по их мнению, они страдают[155].

Приведенные выше типологии представляют интерес не только с научной, но и с практической точек зрения, поскольку помогают лучше понять мотивацию деяния субъекта при наличии виктимологического негатива, правильно оценить его поступок и, наконец, определить характер и степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего.

Завершая данный криминологический анализ, необходимо отметить, что в целом рассматриваемый контингент лиц положительно характеризовался на работе (69 %); 58,7 % из них отличались дисциплинированностью, трудолюбием, активной общественной деятельностью. Однако в быту характеристики были несколько хуже – положительно оценивалось поведение лишь 24,5 %.

---

[153] *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. М., 2001. С. 51.

[154] *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. М., 2001. С. 333.

[155] *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. М., 2001. С. 335.

Но эта картина, на наш взгляд, вполне закономерна, учитывая, что для данной категории лиц характерна вспыльчивость и несдержанность.

Предупреждение преступлений, вызываемых отрицательным поведением потерпевших

Природа насильственных преступлений до сих пор остается сложным и трудно объяснимым социальным феноменом. Как справедливо отметил А. М. Яковлев, «механизм преступлений подобного рода может быть подробно исследован только в результате рассмотрения проблем протекания процесса социальной адаптации индивидуумов или групп в конкретных ситуациях»[156]. Действительно, насильственные преступления в большинстве своем не планируются заранее, а совершаются под влиянием возникающих в ситуации конфликта «минутных» порывов и стимулов. В значительной мере они зависят от психологических особенностей участников конфликта, проявившихся в конкретной преступной ситуации. Традиционно высокий уровень данных видов преступлений требует обратить особое внимание на проблему их предупреждения.

В криминологии предупреждение преступлений рассматривается как специфическая область социального управления и контроля, имеющая системный, многоуровневый характер и воздействующая на причины и условия преступлений[157]. Являясь непременным компонентом такого целостного образования, как социальное регулирование, система предупреждения преступности находится по отношению к нему в отношении соподчинения, но как образование высокой степени общности поддается дальнейшему членению.

В частности, по признаку целеполагания в криминологии принято выделять общесоциальное и специальное предупреждение преступлений.

Общесоциальное предупреждение охватывает крупномасштабные и долговременные виды социальной деятельности, мероприятия социально-экономического и политического характера, направленные на повышение материального и духовного уровней жизни общества. Как указывал И. И. Карпец, «поскольку преступность – это отрицательное социальное явление, постольку в борьбе с ним главное значение имеют общие социальные мероприятия, направленные на дальнейшее развитие и совершенствование общественных отношений. Эти мероприятия косвенно оказывают существенное влияние и на состояние преступности. Преступность преодолевается, прежде всего, путем общих мероприятий экономического, воспитательного и иного, в том числе правового порядка»[158]. Сущность общесоциального предупреждения заключается в том, что позитивные процессы в обществе, оздоровление социальных отношений способствует устранению факторов, вызывающих рост преступности.

В зависимости от механизма воздействия на преступность общих мер ее предупреждения в науке принято выделять меры, нейтрализующие и компенсирующие объективные отрицательные социальные явления, а также меры, предупреждающие возникновение и ликвидирующие нежелательные субъективные явления[159].

В числе насущных общепредупредительных мер борьбы с преступностью выделить такие социально-экономические мероприятия, как: повышение реальных доходов населе-

---

[156] *Яковлев А. М.* Проблемы социальной адаптации и противоправное поведение // Ученые записки ВНИЭСЭ. М., 1969. Вып. 17. С. 45.

[157] *Долгова А. И., Серебрякова В. А.* Основы криминологии для практических работников. М., 1988. С. 101.

[158] *Карпец И. И.* Проблема преступности. М., 1969. С. 124.

[159] *Бабаев М. М.* Криминологическая оценка социально-демократических и демографических факторов // Советское государство и право. 1972. № 6. С. 20.

ния; увеличение минимального размера оплаты труда; развитие промышленности и сферы обслуживания населения.

На сегодняшний день Россия – это страна контрастов, где при отсутствии среднего класса как такового весьма незначительной группе очень богатых людей противостоит большая часть населения, находящаяся за чертой бедности. Данная ситуация на фоне безработицы, кризиса жилищно-коммунальной и иных сфер общественной жизни порождает напряжение, нервозность и дисгармонию в обществе, что в конечном итоге приводит к росту преступности, в частности, насильственных ситуативных преступлений.

Подчеркивая важность общепредупредительных мер, А. Э. Жалинский отмечал, что «общесоциальное предупреждение самостоятельно воздействует на большую часть причин преступности; оно даже способно ликвидировать их полностью»[160]. Применительно к насильственным преступлениям, вызываемым отрицательным поведением потерпевшего, данное высказывание представляется спорным.

В борьбе с такими деяниями применение общих мер предупреждения преступлений недостаточно, поскольку их эффективная реализация затрудняется устойчивыми социальными особенностями личности, а также спецификой конфликтных ситуаций. И это закономерно, если учитывать, что общие меры предупреждения не могут одномоментно и непосредственно воздействовать на психологические причины насильственных преступлений. Как справедливо отмечает Е. А. Лукашева, «человеку нужно время, чтобы освоиться с переменами, связанными с проведением общих мер, чтобы превратить их из факта бытия в факт сознания, в поведенческий мотив»[161].

Именно по этой причине не следует «сбрасывать со счетов» меры идеологического, организационного и правового характера, направленные на повышение общекультурного и образовательного уровня, а также уровня массового и индивидуального правосознания.

Рост экономического потенциала страны позволяет в определенной мере расширить материальную базу культурно-воспитательной и идеологической работы. В частности, следует уделить повышенное внимание вопросам образования.

Однако на этом общепрофилактические меры исчерпываться не должны. Уровень образования еще не определяет всего содержания культуры человека. «Вряд ли можно объяснять проявления аморализма лишь невысоким культурным и общеобразовательным уровнем некоторой части населения»[162]. Как свидетельствует история, сравнительно высокий уровень образованности автоматически не влечет за собой высокого уровня нравственной воспитанности.

Требуется продуманная, целеустремленная и организованная система нравственного воспитания, осуществляемая в учебных заведениях, в семье, по месту жительства, в рабочем коллективе. Но для того чтобы это стало возможным, обществу требуется крепкий идеологический стержень, которым должна стать единая национальная идея.

Политический и идейный разброд в обществе влияет на нравственную установку социально и психически несформированной части населения, и в конкретной преступной ситуации лицо вследствие отсутствия сдерживающих факторов морально-этического характера не может избежать конфликта.

Особое внимание следует уделить также уровню правосознания. Высокие темпы роста преступности, правовая и социальная незащищенность значительной массы населения, отсутствие необходимых механизмов реализации норм права порождают в людях неверие в закон и государство и ведут к стремительному развитию правового нигилизма в стране.

---

[160] *Жалинский А. Э.* Специальное предупреждение преступности в СССР (вопросы теории). Львов, 1976. С. 84.

[161] *Лукашева Е. А.* Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 153.

[162] *Шляпочников А.* Общие меры предупреждения преступности. М., 1972. С. 14.

Под последним мы понимаем особую форму мироощущения и социального поведения, которая выражается в полном неверии в потенциальные возможности права. Человек убежден, что он предоставлен сам себе, что в любой момент он может стать жертвой преступления и государство не сможет его защитить. Возросшая криминализация и виктимизация общества – печальное тому доказательство.

В структуре правосознания можно условно выделить три компонента: познавательный, оценочный и практический.

Первый компонент представляет собой результат определенной интеллектуальной деятельности. Так уж сложилось, что в нашей стране немногие осмысливают и анализируют законодательство. На сознание и поведение людей влияют не тексты норм, а восприятие права «в жизни», печальным показателем которого является рост криминогенности общества.

Оценочное правосознание – это определенное эмоциональное отношение личности к разным явлениям правовой действительности. В последнее время отношение российских граждан к праву и правовым явлениям нельзя признать положительным.

Особенно показательна в этом оценка деятельности правоохранительных органов. Исследования, проведенные Институтом социологии РАН, показали, что в обществе преобладает негативная оценка деятельности милиции. Респонденты свое отношение к ней объясняют незащищенностью от преступности (38,8 %), грубостью представителей милиции (20 %), мздоимством с их стороны (13,9 %). Как правило, данные объяснения связаны с представлением о милиции как институте, защищающем власть, а не народ (13,4 %)[163].

Регулятивное правосознание заключается в том, правовые установки и ценностно-правовые ориентации помогают человеку избрать правомерный или противоправный вариант поведения. Показателями состояния регулятивного правосознания являются рост преступности и иных противоправных деяний, а также индивидуальная и массовая виктимность.

Постоянно сталкиваясь с фактами совершения преступлений в быту и СМИ, человек поневоле сам становится опосредованной жертвой. Наглядный пример тому – террористический акт 23 октября 2002 г. в Москве. Шок и страх на несколько дней парализовали всю страну. Практически каждый человек вынес из этой трагедии урок: он не застрахован государством от того, что однажды не станет жертвой терроризма. Социологические исследования подтвердили, что большинство населения страны не чувствуют себя защищенными. По данным И. Н. Гурвича, наиболее высокий уровень угрозы безопасности респонденты отмечают в ситуации вне жилья, на втором месте – угроза в жилом помещении и сравнительно менее актуальна угроза имуществу. Негативный же опыт контактов с милицией повышает ситуативную тревогу вне жилого помещения[164].

Основная масса населения страны осознает свою уязвимость, незащищенность от возможных преступных посягательств, а осознание данного факта негативно влияет на уровень индивидуального и общественного правосознания. В итоге, наблюдается рост преступности в стране, происходит криминализация общества.

Более того, низкий уровень правосознания существенным образом влияет на виктимизацию населения. На данном аспекте хотелось бы остановиться особо.

Как свидетельствуют специальные социологические исследования, жертвы преступления сами неоднократно преступали закон. Например, лица, пострадавшие от краж, чаще нарушали правила дорожного движения и совершали мелкие кражи из магазина. Склон-

---

[163] *Гурвич И. Н.* Виктимизация как фактор изменения правосознания // Социологические исследования. 1999. С. 142–143.

[164] *Гурвич И. Н.* Виктимизация как фактор изменения правосознания // Социологические исследования. 1999. С. 143.

ность к нарушению правил дорожного движения была отмечена и у потенциальных жертв насилия[165].

Подтверждением низкого уровня правосознания потерпевших служит и их психологический «профиль». Согласно нашим исследованиям, в числе основных черт жертв преступлений преобладают некритичность, беспечность, пренебрежение к закону, агрессивность, алкоголизм и пр.

В процессе совершения преступления большинство потерпевших своим отрицательным поведением провоцируют виновного либо ведут себя пассивно и не оказывают сопротивления. Подобные ситуации позволяют говорить об определенной деформации правосознания потенциальных и реальных жертв.

В первом случае поведение потерпевших во многом обусловливается неверием в силу закона и осознанием себя хозяином положения. Налицо правовой нигилизм, когда наблюдается активная противоправная тенденция личности. У жертв-провокаторов складывается убеждение, что в поступках следует руководствоваться не правом, а своими желаниями и интересами.

Обратной стороной такого социального явления, как правовой нигилизм, является наличие пассивных жертв. Причина пассивного поведения видится нам в длительном подавлении инициативы и самостоятельности личности со стороны государственных институтов. Частным примером является законодательное и правоприменительное ограничение прав граждан на необходимую оборону.

Пассивная жертва, как правило, характеризуется низким уровнем правосознания, однако она, в отличие от жертвы-провокатора, не демонстрирует свое неуважение к закону, поскольку боится ответственности. Очень часто в процессе совершения преступления человек стоит перед дилеммой: стать жертвой преступления либо сопротивляться и пострадать от карательной машины государства.

У пассивной жертвы можно наблюдать сразу две формы деформации правосознания: правовой нигилизм и правовой идеализм. Одни аспекты правовой действительности потенциальный потерпевший недооценивает, а в другие, напротив, переоценивает.

Как видно, влияние правосознания на криминализацию и виктимизацию общества велико. Однако не следует абсолютизировать ее значение и игнорировать такие явления, как психологические, физиологические, социокультурные и иные факторы. Но не следует также искусственно приуменьшать значение правосознания, поскольку оно всегда «ближе» к поведению (преступному либо виктимному), чем правовая норма. Правосознание помогает человеку всесторонне осмыслить ситуацию, «увидеть» набор возможных средств достижения целей своего поведения; более того, оно помогает оценить социальную эффективность избранной стратегии достижения определенных целей.

Для того чтобы бороться с такими социально-правовыми явлениями, как преступность и виктимность, необходимо изменить, перестроить общественное правосознание. Необходимо научить российских граждан уважать закон. И первыми шагами в данном направлении могут стать разъяснительная и воспитательная работа психологов и работников правоохранительных органов с населением, политика «открытых дверей», взаимоуважения, участия и поддержки потерпевших и их родственников со стороны государственных органов.

Следует вызвать готовность и желание граждан активно помогать в укреплении правопорядка. Необходимо покончить с отчуждением населения от государственной власти и, в частности, от правосудия.

---

[165] *Гурвич И. Н.* Виктимизация как фактор изменения правосознания // Социологические исследования. 1999. С. 143.

Для начала следует принять комплексный закон о защите жертв и свидетелей преступления, приписывающий органам правосудия справедливое и внимательное обращение с потерпевшими.

Необходимо также создать специальные органы, занимающиеся виктимологической профилактикой преступлений; изменить порядок возмещения ущерба жертвам преступных посягательств и расширить возможности граждан по защите жизни и имущества.

Мы привели наиболее существенные меры экономического, идеологического и правового характера, составляющие основу общего предупреждения преступлений. Несмотря на их принципиальную важность, следует отметить, что криминологические возможности общих мер не безграничны. В целях эффективной борьбы с преступностью общепредупредительная деятельность требует своего подкрепления иными способами предупреждения преступлений, в частности, специально-криминологическими мерами.

Не следует подобно некоторым авторам[166] противопоставлять друг другу общие и специальные профилактические меры, поскольку они, будучи продуктом единых общественных отношений, удовлетворяют одну и ту же социальную потребность и направлены, в конечном счете, на достижение одних и тех же целей. Более того, в основе их деятельности лежат закономерности, общие для всего процесса предупреждения преступлений.

[166] *Шляпочников А.* Указ. соч. С. 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.